

Основаніе Смольнаго Монастыря.

(Ко дню 150-лѣтія со дня открытія Смольнаго института—4 августа 1764 г.).

I.

Историческія свидѣнія о мѣстности, занимаемой Смольнымъ монастыремъ.—Шведскій фортъ Сабина.—Селеніе Спасское.—Смольный дворъ.—Натуральный кабинетъ Петра Великаго.—Лѣтній загородный дворецъ великой княжны Елисаветы Петровны.—Намѣреніе ея, уже Императрицы, основать на мѣстѣ своего загороднаго дворца, женскую, иноческую обитель.

На лѣвомъ берегу Невы, въ 7-ми верстахъ отъ ея устья, а по теченію въ 10-ти, тамъ, гдѣ, круто поворачивая на сѣверъ, она образуетъ довольно обширный мысъ, во времена шведскаго владычества надъ всѣмъ Невскимъ побережьемъ, въ 1698 году, стоялъ шведскій фортъ ¹⁾ Са-

¹⁾ На картѣ шведскаго полковника Кроуфорта, приложенной къ исповнымъ книгамъ Ижорской земли, данныхъ Кеппеномъ, чертежъ этого форта изображенъ очень отчетливо. Карта Кроуфорта изображаетъ мѣстность Невскаго побережья въ 1698 году, отъ устья рѣки Невы съ ея островами, до мѣста, занимаемаго нынѣ Александро-Невскою лаврою. На мѣстѣ Смольнаго монастыря, на берегу Невы, стоитъ фортъ Сабина, въ формѣ треугольнаго окопа, упирающагося своими валами прямо въ рѣку. Мѣстность, занимаемая фортомъ, нынѣ занята стариннымъ садомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Почти напротивъ форта, на правомъ берегу Невы, расположенъ Писанецъ, въ формѣ правильной крѣпости, съ нѣсколькими бастионами и фасадами, а позади его разбросанныя постройки образуютъ небольшой городокъ. Вблизи форта не видно особыхъ строеній, исключая съ лѣвой стороны нѣсколькихъ небольшихъ домиковъ, на мѣстѣ нынѣшнихъ градскихъ богадѣленъ или Александровскаго училища. Покойный академикъ Пекарскій въ статьѣ своей „Петербургская старина“ (Современникъ—1860 г., июль) также замѣчаетъ, что на планѣ Петербурга 1706 г. „тамъ, гдѣ теперь соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній (Смольный) находились развалины старинныхъ шведскихъ укрѣпленій“. Въ 1860-хъ

бина (Sabina). Фортъ этотъ приходился почти противъ Нюеншанца, расположеннаго на правомъ берегу Невы, при устьѣ рѣчки Охты, впадающей въ Неву. Стратегическое значеніе этихъ двухъ укрѣпленныхъ на обонхъ берегахъ рѣки пунктовъ было то, чтобы удобнѣе и вѣрнѣе обстрѣливать находящагося на рѣкѣ непріятеля. Въ этой же мѣстности, невдалекѣ отъ форта, находилось селеніе Спасское, въ которомъ жили православные ижорцы, имѣвшіе у себя молитвенный храмъ ¹⁾. По взятіи Нюеншанца и по разрушеніи шведскихъ укрѣпленій, когда возникавшій Петербургъ сталъ обзаводиться флотомъ и верфями, — близъ мѣста, занимаемаго фортомъ, устроенъ былъ Петромъ Великимъ Смольный дворъ, или обширная площадь, огороженная палисадомъ и обведенная каналомъ, „гдѣ лежала смола, приготовляемая прѣ весь корабельный флотъ, а—кругомъ крѣпкіе караулы приставлены были для охраненія отъ огня“ ²⁾. Возникавшія побли-

годахъ, при разведеніи небольшого садика, примыкающаго къ одной изъ юго-западныхъ башенъ каменной ограда Смольнаго монастыря, на глубинѣ около полуаршина, открытъ былъ слой костей, который шелъ кругомъ ямы, раскопанной аршина на два въ диаметръ. Быть можетъ, это была общая могилка или завоевателей, или защитниковъ укрѣпленій, — бывшихъ на мѣстѣ Смольнаго Монастыря.

¹⁾ На планѣ полковника Кроніорта это селеніе не показано. Не видно также этого селенія и на планѣ мѣстности Петербурга, за годъ до его основанія, приложенномъ къ „Наворами С. Петербурга“ Башуцкаго, изд. 1834 г. Но на старыхъ планахъ Петербурга, изданныхъ Цыловымъ, на изакѣ 1700 г. на лѣвомъ берегу Невы, противъ Нюеншанца, показано селеніе Spaskoi, которому и даютъ названіе русскаго села Спасскаго отъ церкви. См. Городскія поселенія Россійск. Имперіи, Томъ VII. XIX въ историческихъ свѣдѣніяхъ о Петербургѣ; — также Некарскій — Современникъ 1860 г. Іюль. Кеппенъ въ объясненіи къ картѣ Кроніорта (Писцовая книга Ижорской земли, томъ I, отд. 2, стр. 122), не упоминая о селеніи Спасскомъ, замѣчаетъ только, что „о часовнѣ православныхъ ижорцевъ, на мѣстѣ нынѣшняго Смольнаго монастыря, упоминаетъ еще въ 1701 году епископъ Аванасій“. Но на какого Аванасія епископа осылается онъ здѣсь и гдѣ Аванасій упоминаетъ о часовнѣ — Кеппенъ не указываетъ.

²⁾ Петер.-географ. и топограф. описаніе Петербурга Рубана, изд. 1774 стр. 191. Здѣсь же приложено изображеніе Смольнаго двора, см. таблицу XIV фигура 15. Чертежъ его въ историч. планахъ Петербурга, изд. по Высоч. повелѣнію Департаментомъ военныхъ поселеній. Смольный дворъ расположенъ былъ, какъ можно предполагать, съ сѣверной стороны монастыря, на мѣстности, занимаемой нынѣ зданіями градскихъ богадѣленъ и богадѣльни цесаревича Николая. Г. Пятковский въ изслѣдованіи своемъ о Воспитательномъ Домѣ („Русск. Стар.“ 1875 г.), говоритъ о первоначальномъ помѣщеніи дома на лѣвомъ берегу Невы, съ сѣверной стороны Смольнаго монастыря, на мѣстѣ нынѣшнихъ градскихъ богадѣленъ, —

ности къ Смольному двору строенія искорѣ также отъ него стали получать свои названія. Такъ, быть можетъ, одновременно съ устройствомъ Смольнаго двора, вблизи его былъ построенъ Петромъ Великимъ небольшой загородный домъ; въ домѣ этомъ помещалась библіотека и кунсткамера съ кабинетомъ императора, и этотъ домъ также назывался Смольнымъ домомъ ¹⁾. Въ 1720 году Государь построилъ для дочери своей, великой княжны Елисаветы Петровны, въ этой же мѣстности, на берегу Невы, лѣтній загородный дворецъ, и этотъ дворецъ, по близости отъ него Смольнаго двора, также получилъ названіе Смольнаго ²⁾. Въ 1733 году вблизи двора — положено было начать „новое строеніе Конной гвардіи свѣтлицъ“ ³⁾. Натуральный кабинетъ

замѣчаетъ, что при переводѣ дома въ Миліонную улицу, прежнія строенія его предположено было продать и первая публикація объ этомъ была послана въ комиссію при Академіи Наукъ 12 апр. 1779 г. въ такомъ видѣ: „продается именующійся Воспитательный Домъ, — къ заведенію фабрики, или завода, весьма способный, при чемъ обширный лугъ, огороженный изъ побитыхъ свай палисадомъ, мѣрою жъ земли длиною: по берегу Невы рѣки 274, отъ Невы со стороны Новодѣвичьяго монастыря, по каналу, (этими каналомъ обведенъ былъ лугъ) и со стороны жъ мѣста лейбъ-гвардіи Коннаго полку во 198 сажень“. Упомянутые въ публикаціи обширный лугъ, огороженный палисадомъ и обведенный каналомъ, — на которые указываетъ и Рубанъ въ своемъ описаніи Смольнаго двора, заставляютъ предполагать, что въ 1779 году это были его остатки.

¹⁾ Коринловичъ въ статьѣ своей „Русской Старинѣ“ стр. 24 пишетъ: „въ четыре или пять палатовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправляясь съ тростью въ одной рукѣ и съ записною книжкою въ другой смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ адмиралтейство“. Натуральный кабинетъ государя составляли библіотека и кунсткамера, какъ говоритъ Рубанъ. (стр. 161). При этомъ домѣ былъ и садъ, упоминаемый въ описаніи Петербурга Богданова подъ № 5с „садъ при Смольномъ домѣ, что вышѣ Воскресенскій Новодѣвичій монастырь“. Остатки этого сада сохранились до нынѣ.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1863 г. Замѣтка о лѣтнихъ дворцахъ.

³⁾ Рубанъ изд. 1779 г. „но когда начали въ 1733 году противъ Канецъ (т. е. противъ Наншанца, Нуеп—зканъ) селить конную гвардію, тогда оный Смольный дворъ перевезли на другое мѣсто“. Лейбъ-гвардіи конный полкъ былъ переименованъ Императрицею Анною изъ лейбъ-регимента, находившагося въ Ригѣ. Указъ о переименованіи полка состоялся еще въ 1730 г., но время 1730—1733 г. прошло въ комплектованіи, обмундированіи и проч. По прибытіи въ Петербургъ изъ Риги въ 1733 г. полкъ занялъ казармы Кирасирскаго Минихова полка. Казармы эти находились близъ Смольнаго двора, противъ Охтенскихъ слободъ. Мѣстность эта запята въ настоящее время такъ называемыми Аракчеевскими казармами. Все строеніе, занятое въ 1733 г. коннымъ полкомъ, состояло изъ двухъ дворовъ: конюшеннаго и полкового штаба. — Первый имѣлъ видъ четверо-

Императора также былъ выведенъ. Но—дворецъ великой княжны Елисаветы Петровны остался и продолжалъ служить мѣстомъ ея лѣтняго пребыванія до самаго вступленія ея на престолъ. Проживая зимою въ собственномъ дворцѣ, близъ Царицына Луга, великая княгиня лѣтніе мѣсяцы проводила обыкновенно на берегу Невы, въ своемъ загородномъ Смольномъ домѣ, почти въ уединеніи, окруженная немногими приближенными къ ней людьми, тогда еще незамѣтными по своему общественному положенію, но впоследствии, со вступленіемъ ея на престолъ, получившими при дворѣ ея важное значеніе. Быть можетъ воспоминанія о времени, проведенномъ ею въ этой мѣстности, вдали отъ шума и суеты жизни придворной, — внушили ей, уже Императрицѣ, мысль—основать здѣсь женскую, иноческую, обитель, для устройства которой мѣстность ея загороднаго дома, по своему уединенію и отдаленности отъ центра города, представляла самыя благоприятныя условія. Въ столицѣ, на томъ же лѣвомъ берегу Невы, не вдалекѣ отъ Смольнаго дворца Императрицы, уже существовалъ мужской монастырь — Александро-Невскій,

угольяника, стороны котораго составляли конюшни, а внутреннее пространство занималось собственно казармами о 12 покояхъ. Второй дворъ—полковаго штаба, заключалъ въ себѣ большой каменный домъ для дежурныхъ офицеровъ, канцеляріи и вообще штаба. Въ 1730 г. Императрица Анна, указомъ отъ 12 декабря, повелѣла во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ учредить солдатскія слободы. Но это повелѣніе приведено было въ исполненіе только при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она приказала сломать старыя казармы конной гвардіи и оставить только каменный домъ штаба. Архитекторомъ Бонивалемъ была выстроена новая слобода. Слобода эта представляла также четвероугольникъ, прорѣзываемый по прямому направленію отъ Литейнаго двора къ Смольному дворцу Императрицы — одною улицю, называвшеюся Большою, впоследствии Воскресенскою, идущею отъ площади Воскресенскаго Смольнаго собора къ Таврическому дворцу. Параллельно этой Большой улицѣ, составляя одинъ изъ фасовъ четвероугольника, шла другая, на которой было выстроено 10-ть офицерскихъ домовъ, съ особыми при каждомъ изъ нихъ дворами. Эта улица называлась Офицерскою. Нынѣ она переименована въ Тверскую. По мѣсту расположенія полка близъ Смольнаго монастыря произошли названія улицъ: Манежной, Конногвардейской и Кавалергардской. Въ каменномъ домѣ полковаго штаба, хорошо сохранившемся до нынѣ, на небольшомъ плацу, — противъ послѣдняго флигеля къ Смольному монастырю Аракчеевскихъ казармъ, — въ третьемъ этажѣ, помещалась церковь лейбъ-гвардіи коннаго полка, во имя Благовѣщенія Пр. Богородицы, освященная въ 1748 году декабря 12-го и упраздненная въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Изъ этой церкви, какъ увидимъ ниже, и былъ совершеиъ крестный ходъ къ мѣсту закладки Смольнаго монастыря, 1748 года, октября 30-го. См. Историк.-статист. свѣдѣнія о Сиб. епархіи. Выпускъ V, стр. 294.

основанный въ 1710 году отцомъ ея, Петромъ Великимъ,—но не было обители женской монашеской.—Государыня, всегда отличавшаяся благочестіемъ, любовію къ Церкви и церковной обрядности,—желала восполнить этотъ пробѣлъ въ церковно-религіозной жизни столичнаго города и, основывая въ немъ женскую иноческую обитель имѣла въ виду еще и ту цѣль, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы, передавъ управленіе государствомъ избранному ею наслѣднику, самой удалиться отъ міра и провести остатокъ дней своихъ въ покоѣ молитвенномъ ¹⁾).

II.

Приготовительныя работы къ постройкѣ монастыря.—Письмо Теодосія архіепископа С.-Петербургскаго къ кабинетному члену Василю Ивановичу Демидову о чинѣ монастырской закладки.—Предложеніе Симона архіепископа псковскаго Св. Синоду о Крестномъ ходѣ для закладки Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.—Надпись на камнѣ, положенномъ при закладкѣ собора.—Назначеніе строителемъ монастыря графа Растрелли и распоряженія императрицы по постройкѣ.—Ходъ работъ и причина ихъ медленности.—Состояніе работъ по монастырю по кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны.

Приготовительныя работы къ постройкѣ монастыря, можно предполагать, начались еще съ 1748 года,—такъ какъ незадолго передъ этимъ въ Смольномъ дворцѣ Императрицы произошелъ пожаръ, уничтожившій главный его корпусъ, ²⁾ почему дворецъ, еще рѣше оставленный ею, не представлялъ уже удобствъ для

¹⁾ „Въ первые четыре года съ прилежаніемъ занималась управленіемъ государственнымъ... но и тогда имѣла она намѣреніе передать бразды правленія своему племяннику, великому князю Петру Теодоровичу и окончить дни свои въ монастырѣ. Для сего въ 1744 г. приказала она строить на берегу Невы, Воскресенскій дѣвичій монастырь“. Вейдмейеръ. Исторія царствованія Елисаветы Петровны. Часть II, стр. 64.

²⁾ Бракосочетаніе наслѣдника престола, великаго князя Петра Теодоровича происходило 21-го августа 1746 года, и зима этого года была проведена при дворѣ въ большихъ увеселеніяхъ. У многихъ вельможъ даны были маскарады, на которыхъ присутствовалъ и дворъ. Но эти удовольствія были прерваны болѣзнію великаго князя.—На послѣднемъ изъ маскарадовъ, который былъ данъ генералъ-полциѣмейстеромъ Алексѣемъ Даниловичемъ Татищевымъ въ загородномъ домѣ Императрицы, на Смольномъ дворѣ, великій князь простудился и заболѣлъ сильною горячкою.—Такъ какъ главный корпусъ дворца сгорѣлъ и оставались только два флигеля,—то въ одномъ изъ нихъ танцевали, а въ другомъ приготовленъ былъ ужинъ. По окончаніи танцевъ, всѣ отправились къ ужину въ другой флигель, а затѣмъ обратно въ первый. Дѣло было въ январѣ мѣсяцѣ и всѣ шли по снѣгу. Великій князь захворалъ на другой день. Вейдмейеръ. Часть I, стр. 53 примѣч.

жнлого помѣщенія и въ 1746 году былъ уже сломанъ. Занимаемая имъ мѣстность была очищаема для новой постройки. Пронсходило копаніе рововъ для кладки фундамента, забивка свай и приготовленіе матеріаловъ. Два года спустя, въ іюні мѣсяцѣ 1748 года кабинетный членъ Василій Ивановичъ Демидовъ, вѣроятно по порученію Императрицы, письменно спрашивалъ преосвященнаго Θεодосія, архіепископа С.-Петербургскаго о чинѣ, бываемомъ при основаніи монастыря и о необходимыхъ принадлежностяхъ его закладки, прося сообщить ему письменныя свѣдѣнія о томъ порядкѣ, въ которомъ совершена была закладка монастыря Александро-Невскаго. Преосвященный, исполняя желаніе кабинетнаго члена, писалъ къ нему отъ 26 іюня 1748 года: „Милостивой мой государь, Василій Ивановичъ! По требованію нашего превосходительства какія могли найтись записки о началѣ Невскаго монастыря, при семъ послалъ, такожъ и чинъ, бываемый при закладываніи вновь монастыря, выпиравъ изъ требника Могилянскаго,—сообщаю жъ; по мнѣнію жъ моему весьма бы хорошо и при намѣреваемомъ зачатіи монастыря, единый большой камень съ надписью положить (кромя мощей), ибо обыкновеніе вездѣ таково бываетъ, что въ память вѣчную первый на фундаментъ полагаютъ съ надписью камень, а паче въ такихъ большихъ и внатныхъ строеніяхъ, который уповательно положенъ при зачатіи Невскаго монастыря,—только о немъ извѣстія не сыскано. Впрочемъ же все сіе въ разсужденіе ваше отдавъ, пребуду моего милостиваго благодѣтеля всегдашній богомолецъ. Θεодосій, архіепископъ С.-Петербургскій ¹⁾).

Письмо было писано въ іюні 1748 года, а 29 октября, того же года, преосвященнымъ Симономъ, архіепископомъ

¹⁾ Θεодосій (Никовскій) изъ наместниковъ Сергіевой Лавры, съ учрежденія въ 1742 году—единоличной каеодры въ Сиб. епархіи, былъ вторымъ архіепископомъ. Управлялъ епархіею пять лѣтъ (1745—1750). Сконч. въ 1750 г. 22 апрѣля и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія, у праваго клироса. Историк. статист. свѣдѣніи о Сиб. епархіи. V, 166. При письмѣ архіепископа Θεодосія приложена и выписка изъ требника Могилянскаго: *чинъ основанія новаго монастыря и ограды его*: „аще каменный основаніи имать монастырь, свититель, или отъ него установленный іерей, во-первыхъ, повелѣваетъ художникомъ измѣрять и ископати мѣсто, идѣже основаніе монастырскія ограды быти имать; приуготовляти же каменія имѣтъ. Къ зачатію зданія особы же приуготовляются четыре камени, четвероугольные и на кождо ихъ три кресты искованы. И поставитъ камень единый надъ ровомъ и востокомъ, на столѣтїи, второй же на средней странѣ сѣверной такожже поставляется, третій же на средней странѣ западной,—четвертой же на средней южной странѣ“.

Псковскимъ и Нарвскимъ, было внесено въ Св. Синодъ предложеніе слѣдующаго содержанія: „Ея Императорское Величество въ высокомонаршее въ зимнемъ Ея Имп. В-ства домѣ присутствіе соизволила объявить, что Ея Имп. В-ство нъ честь и хвалу Божию намѣрены, при С.-Петербургѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Ея Имп. В-ства дворець, называемый Смольный, состоитъ, воздвигнуть вновь дѣвичій монастырь, съ церковнымъ и прочимъ принадлежащимъ монастырскимъ зданіемъ, которое на томъ мѣстѣ, въ высочайшее Ея Имп. В-ства присутствіе имѣеть быть при зачатіи заложено въ наступающую недѣлю, т. е. сего же октября 30 дня; чего для при томъ же Ея Имп. В-ство указала, онаго 30-го числа мнѣ божественную литургію отслужить въ состоящей лейбъ-гвардіи коннаго полку церкви, откуда, по совершеніи литургіи, съ крестнымъ хожденіемъ всему свѣтѣйшему правительствующему Синоду, съ присутствіемъ находящихся нынѣ здѣсь духовнаго чина персонъ и священнослужителей всѣхъ здѣшнихъ церквей, отъ каждой по одному священнику, слѣдовать на показанное къ Смольному дворцу мѣсто, гдѣ надлежащее молитвословіе по церковному чиноположенію отпривать“¹⁾. 30-го октября 1748 года, по установленному церемоніалу, съ крестнымъ ходомъ изъ церкви лейбъ-гвардіи коннаго полка, находившейся по близости къ Смольному дворцу²⁾, и была совершена закладка собора, а вмѣстѣ съ нимъ и всего монастырскаго зданія,—при чемъ Императрицею положенъ былъ мраморный камень съ надписью „отъ Ея Величества апробованною“ слѣдующаго содержанія: „Въ лѣто 1748-е, октября въ 30-й день, въ благополучное царствованіе Всепресвѣтлѣйшей, Державиѣйшей и Великой Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, къ началу сего строенія святаго церкви Воскресенія Христова, сей первый камень собственными Ея Величества руками положенъ. Основана же сія святая церковь на мѣстѣ, гдѣ былъ собственный Ея Величества дворець, называемый

¹⁾ Синод. архива дѣло 1748 г. № 32. См. также XII Св. Закон. № 0546. Къ Синодальному дѣлу приложенъ и реестръ участвующимъ въ крестномъ хожденіи духовнымъ персонамъ. Кромѣ семи архіереевъ въ реестрѣ показано до 80-ти челоѣкъ духовенства.

Членъ Св. Синода, архіепископъ Симонъ (Тодорскій) потому явился выразителемъ въ настоящемъ дѣлѣ воли монаршей, что по обязанности законоучителя наследника престола и его супруги имѣлъ доступъ ко двору и Императрица чрезъ него пожелала объявить Св. Синоду свою волю объ основаніи монастыря.

²⁾ См. выше въ 1-й гл. примѣч. 6-е, въ концѣ.

Смольский". Строителемъ монастырскихъ зданій былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, знаменитый зодчій того времени, графъ Растрелли, носившій званіе оберъ-архитектора. Помощниками ему были даны архитекторы Христіанъ Кнобель и итальянецъ Бергольди.

Представленные графомъ Растрелли планы, чертежи и фасады всему строенію были одобрены и утверждены Императрицею. Для большей же наглядности и для лучшаго ознакомленія ея со всѣми подробностями широко и роскошно задуманнаго проекта монастырскаго зданія, его строителемъ была представлена Императрицѣ устроенная имъ, весьма изящной работы и въ большихъ размѣрахъ, деревянная модель всего монастыря, съ соборомъ въ центрѣ онаго, четырьмя церквами по угламъ и громадною колокольнею при вѣздѣ въ монастырское зданіе ¹⁾. Въ сооруженіи всѣхъ построекъ монастырскихъ,—собора, церквей и корпусовъ зданія, въ ихъ внѣшней и внутренней отдѣлкѣ, строителемъ былъ избранъ стиль эпохи возрожденія (à la Renaissance), общій многимъ важнѣйшимъ произведеніямъ его въ столицѣ. По красотѣ своихъ формъ, изяществу стила и работы, — предполагавшееся сооруженіе монастыря было по истинѣ царственное, а по своимъ размѣрамъ едва-ли не единственное въ Россіи. Поэтому грандіозный проектъ знаменитаго зодчаго требовалъ и громадныхъ средствъ для своего выполненія. Государыня не отказывала въ нихъ строителю монастыря и не жалѣла денежныхъ средствъ. По ея приказанію, въ помощь Ярославскимъ и Костромскимъ каменщикамъ и рабочимъ при постройкѣ назначено было 1.500 человекъ нижнихъ чиновъ, къ которымъ впослѣдствіи приказано было прибавить еще 500. Въ 1749 году, первомъ годѣ послѣ закладки, было ассигновано и выдано изъ Солянаго комиссаріата подковнику Мордвинову, состоявшему при строеніи монастыря, 20.000 руб. По израсходованіи ихъ, въ томъ же году, выдано еще 20.000 руб. По смѣтѣ графа Растрелли на построеніе собора, въ шесть лѣтъ, требовалось по 130.000 руб. на годъ. Спустя восемь лѣтъ послѣ

¹⁾ Постройка этой колокольни не состоялась, и она существуетъ только на планахъ и въ модели. По высотѣ оной это было бы первое зданіе въ свѣтѣ, на четыре сажени превышающее Хеопсову пирамиду. Фундаментъ ей былъ заложенъ и выведенъ при вѣздѣ къ собору,—но потомъ разобранъ. Модель Смольнаго монастыря первоначально находилась въ Академіи Художествъ. Въ 1860-хъ годахъ была передана ею Смольному монастырю и хранилась въ большомъ залѣ онаго, принадлежащемъ Вдовьему дому.—Возобновленная и исправленная на сумму дома, она въ 1870-хъ годахъ была взята обратно Академіею.

закладки, въ 1756 году, мы встрѣчаемъ два его требованія, — первое—на окончаніе четырехъ угловыхъ церквей—15.000 руб. и второе—на окончаніе собора—20,000 руб. Наконецъ къ послѣднему году царствованія Елисаветы Петровны, къ 1761-му относятся отпускъ изъ Соляного комиссаріата для окончанія строеніемъ всего Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря въ три года, на каждый годъ по 120.000 руб.

Принимая живѣйшее и ближайшее участіе относительно всего какъ внѣшняго, такъ и внутренняго устройства монастыря, Государыня желала, чтобы все въ немъ соотвѣтствовало величію задуманнаго ею дѣла и было по выполненію роскошно. Сюда относятся ея распоряженія о золоченіи главъ церквей монастырскихъ, о приготовленіи колоколовъ для собора, праздничнаго въ 12.000 пудовъ, по образцу колокола Троицко-Сергіева монастыря, въ Москвѣ, и всенедѣльнаго, на подобіе повсенедѣльнаго колокола на Иванѣ Великомъ. Оба колокола обязался вылить колокольный мастеръ, цейхмейстеръ Михайлъ Маторинъ. Докладъ о колоколахъ представлялъ въ 1754 году Императрицѣ, состоявшій при строеніи монастыря графъ Виллиамъ Виллимовичъ Ферморъ.—Къ тому же времени относятся распоряженія императрицы о заготовленіи для монастыря сосудовъ церковныхъ и иконъ. Сосудовъ приказано было приготовить четыре серебряныхъ вызолоченныхъ, съ изображеніями, на первыхъ — распатія Христова, тайной вечери, воскресенія Христова; на вторыхъ — приказано было къ двумъ первымъ изображеніямъ прибавить Знаменіе Пр. Богородицы, — на третьихъ—Захарія и Елисаветы, а на четвертыхъ—великомученицы Екатерины. Послѣднія изображенія заставляютъ предполагать, — во имя какихъ святыхъ Государыня желала устроить престолы въ четырехъ церквяхъ монастырскихъ. Для собора же ею было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ сосудовъ изъ чистаго золота, — одного—мастеру Вестерину, а другого итальянцу Марціону.

Относительно внутренней отделки монастырскихъ храмовъ, еще въ 1750 году, состоялся именной указъ графу Фермору, — чтобы онъ приказалъ бы оберъ-архитектору графу Растрелли озаботиться составленіемъ рисунковъ лѣпныхъ украшеній для церквей монастырскихъ, а также чертежей для иконостасовъ. Приказано было представить „проекты оныхъ, чертежи и модели для окончательнаго опредѣленія Ея Величеству“. Въ 1753 году было подтверждено объ этомъ же графу Растрелли и имъ представлены чертежи и проекты. При этомъ оба графа требо-

вали на устройство иконостасовъ особой суммы и кромѣ того для работы тѣхъ иностранныхъ мастеровъ, которые въ то время отдѣлывали мраморомъ парадную лѣстницу Зимняго дворца. Указъ о приведеніи требованія ихъ въ исполненіе относится къ 1761-му году, но выполненъ не былъ, потому что въ этомъ году, 25 декабря, послѣдовала кончина Императрицы. Не состоялось и ея послѣднее распоряженіе отъ 19-го ноября, того же года, о приготовленіи иконостасовъ для всѣхъ церквей монастыря изъ ковчегнаго серебра, доставляемаго съ Колыванскаго Воскресенскаго завода. Кромѣ графа Фермора, для наблюденія за ходомъ работъ, при постройкѣ монастыря состояли: полковникъ Мордвиновъ, затѣмъ съ 1762 г. премьеръ-маіоръ Василій Черекусихинъ, князь Михаилъ Никитичъ Волковскій, а по увольненіи Черекусихина въ полкъ—Яковъ Данненбергъ ¹⁾.

¹⁾ Весьма многія изъ предположеній, какъ зодчаго, такъ и императрицы по строенію монастыря—не были приведены въ исполненіе и сохранились только на планахъ и въ моделяхъ. Такъ не состоялась постройка громадной колокольни и не были вызолочены главы монастырскихъ храмовъ. Не были устроены и сосуды, иначе бы они сохранились въ церквахъ монастырскихъ. (Изъ вещей церковныхъ, относящихся ко времени царствованія императрицы Елисаветы Петровны, въ Смольномъ монастырѣ сохранилась одна только чаша для освященія воды, изъ чистаго серебра; вѣсомъ 45 фунт. 52 золот., хранящаяся въ церкви Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Чашу эту почитаютъ даромъ императрицы устроеному ею монастырю). Не были выполнены и лѣвныя украшенія на мраморныхъ стѣнахъ собора. Лѣвная работа по рисункамъ графа Растрелли произведена была и сохранилась въ настоящее время только въ двухъ церквахъ монастырскихъ,—св. Великомученицы Екатерины и св. Захарія и Елисаветы, принадлежащихъ Вдовьему дому,—а также въ залѣ средняго этажа сѣверо-западной башни монастыря,—обращенномъ въ 1867 году въ церковь для Александровскаго училища,—и на двухъ парадныхъ лѣстницахъ монастырскихъ корпусовъ—сѣвернаго и восточнаго. Въ послѣднемъ корпусѣ, въ покояхъ верхняго и средняго этажей,—нынѣ занятыхъ зааретомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, сохранились во многихъ комнатахъ живописные плафоны, сюжеты которыхъ заимствованы изъ библіи и мифологіи. Не состоялось также распоряженія императрицы и объ устройствѣ сосудовъ и иконостасовъ монастырскихъ. Единственный иконостасъ, устроенный въ Смольномъ монастырѣ по чертежу графа Растрелли, находится въ церкви св. Великомученицы Екатерины (принадлежащей къ настоящему времени Вдовьему дому), первомъ монастырскомъ храмѣ, освященномъ при открытіи монастыря и Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ въ 1764 году. Но и этотъ иконостасъ, можно съ достовѣрностію предположить, устроенъ уже по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, вообще не любившей въ церковномъ искус-

Постройка громаднаго монастырскаго зданія шла медленно, и самыя обстоятельства того времени не вполне благопріятствовали успѣшному ходу работъ. Семилѣтняя война съ прусскимъ королемъ, начавшаяся въ 1756 году и продолжавшаяся до самой кончины Императрицы, — много задержала окончательную постройку монастыря, по недостатку финансовыхъ средствъ. Завѣдывавшія работами, по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, директоръ канцеляріи строенія дворцовъ и садовъ, Иванъ Ивановичъ Бецкій, не благоволилъ къ графу Растрелли, вслѣдствіе несходства взглядовъ на строительное дѣло. Широко задуманные планы гениальнаго зодчаго, требовавшіе для своего выполненія громадныхъ издержекъ, не нравились Бецкому, желавшему все устроить возможно дешевле. Впрочемъ, со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины, зданіе монастыря было уже окончено и получило внѣшнюю и внутреннюю отдѣлку. И хотя Рубанъ, въ своемъ описаніи Петербурга, и замѣчаетъ о Смольномъ монастырѣ, въ 70-хъ годахъ, что „сія обитель и въ ней церковь (т. е. соборъ) великолѣпнѣйшимъ образомъ сооруженія еще не окончены ¹⁾, но это нужно понимать въ смыслѣ неокончательной отдѣлки внутренней, нѣкоторыхъ частей монастырскаго зданія, которое въ общемъ своемъ видѣ было уже готово ²⁾, а къ 1764 году и приспособлено къ

ствѣ западныхъ нововведеній и потому не терпѣвшей въ церквахъ разныхъ изображеній херувимовъ, — какъ это видно изъ одного случая, рассказаннаго княземъ Шаховскимъ въ его запискахъ и относящагося вѣроятно къ 1748 году, въ которомъ была освящена церковь лейбъ-гвардіи коннаго полка, — близъ Смольнаго. „Случилось мнѣ, — пишетъ князь, „быть въ вечеру во дворцѣ, и Ея Величество, увидѣвъ меня и подозвавъ, изволила мнѣ съ неудовольствіемъ говорить: чего-де синодъ смотритъ? и-де-была вчера-съ на новоосвященіи сдѣланной при полку конной гвардіи церква, въ которой-де на иконостасѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности и надлежало быть живоизображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ, — болваны, — чего-де наша церковь не дозволяетъ“. (Зап. кн. Шаховскаго, стр. 108 — по изд. 1821 г.).

¹⁾ Опис. Петербурга, изд. 1770 г. 449.

²⁾ За исключеніемъ внутренней отдѣлки собора, зданіе котораго еще къ 1757 году было отстроено, покрыто и оштукатурено снаружи, — но внутри не было отдѣлано и заставлено лѣсами. Въ такомъ видѣ соборъ оставался 84 года (со времени закладки въ 1748 г.) до 1832 г. — Храмъ пришелъ въ крайнее запустѣніе. Окна его были заколочены, — на кровлѣ зданія и куполахъ росла трава, появились наконецъ пѣлыя деревья, — березы, рябины и ели. Забытый и запущенный, онъ сдѣлался какъ бы притчею въ народѣ, такъ какъ объ этомъ строеніи и объ его зданіи ходили неслыханныя слухи и рассказы. Когда въ 1832 г. по повелѣнію Императора Николая Павловича, исполнявшаго желаніе своей Августѣйшей Матери,

жилому помѣщенію,—такъ какъ въ этомъ году Императрица Екатерина въ угодно было открыть въ немъ учрежденіе, съ характеромъ уже не уединенно-совердательнымъ, по учебно-воспитательнымъ,—мы говоримъ объ основаніи въ зданіяхъ Смольнаго монастыря въ 1764 году перваго женскаго учебно-воспитательнаго заведенія въ Россіи, извѣстнаго подъ именемъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а затѣмъ въ слѣдующемъ, въ 1765-мъ, и училища для мѣщанскихъ.

III.

Вліяніе идей XVIII вѣка на возникновеніе въ Россіи перваго женскаго учебно-воспитательнаго заведенія, въ связи съ основаніемъ Императрицею Екатериною нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденій. Участіе Н. П. Бецкаго въ ихъ устройствѣ. Уставъ его о воспитаніи 200-тъ благородныхъ дѣвицъ. Указъ Сенату 5-го мая 1764 г. объ учрежденіи при Воскресенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Правила приѣма въ него, изложенныя въ Уставѣ. Отношеніе общества русскаго къ Указу 5-го мая. Докладъ графа Сазыкина Императрицѣ изъ Москвы, о дѣвицахъ, желавшихъ вступить въ открываемое заведеніе. Переписка его по этому случаю съ Н. П. Бецкимъ. Отмѣна дня открытія заведенія—28 іюня 1764 г. на 4-е августа.

XVIII вѣкъ, въ особенности его вторая половина, замѣчательнѣе, какъ извѣстно, усиленнымъ развитіемъ въ средѣ европейскаго общества идей человеколюбія, любви и состраданія къ ближнимъ, а также и возбужденіемъ вопроса о лучшихъ способахъ и средствахъ къ воспитанію и образованію юноше-

Имп. Марія Феодоровна, всегда сожалѣвшей о запустѣніи и этого величественнаго зданія, было приступлено къ его исправленію и окончательной внутренней отдѣлкѣ, то никто не рѣшался, какъ говорятъ, принять на себя очистку его обширныхъ подвальныхъ помѣщеній отъ накопившихся въ нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ мусора и грязи. Суевѣрный страхъ заставлялъ видѣть въ нихъ мѣсто жительства какихъ-то темныхъ силъ. Но одинъ изъ подрядчиковъ, по нѣкоторомъ размышленіи, не усомнился приступить къ работѣ по очисткѣ подваловъ собора и, какъ говорятъ, извлекъ изъ нихъ много хорошаго лѣсу и другихъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые и обратилъ въ свою пользу.

Къ этому же времени неокончательной отдѣлки собора, къ концу 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, относится происшедшій въ немъ несчастный случай съ помощникомъ аптекаря при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ—Доронтомъ. Это былъ молодой человекъ и страстный голубиный охотникъ.—Но такъ какъ въ зданіи собора голубей водилось множество, то этотъ любитель и отправлялся за ними на охоту въ соборъ и большею частію—ночью. Нужно замѣтить, что верхніе ярусы хоръ собора тогда еще не были обнесены рѣшетками и были, какъ и теперь, нѣсколько покаты. Въ одну изъ такихъ экскурсій, несчастный, оставивъ

ства. Все это не могло не быть известнымъ императрицѣ Екате-
 ринѣ, близко знакомой со всѣми твореніями знаменитыхъ
 мыслителей своего вѣка, а съ нѣкоторыми изъ нихъ находив-
 шейся и въ частой перепискѣ. Какъ женщина ума обширнаго,
 обладавшая глубокимъ политическимъ тактомъ, она всегда
 умѣла отличать пустое фразерство отъ мыслей дѣльныхъ, равно
 какъ и ложь отъ истины,—но и какъ женщина по природѣ,
 она не могла не сочувствовать многимъ гуманнымъ идеямъ со-
 временныхъ ей знаменитыхъ мыслителей,—а какъ государыня
 обширной страны, не могла и не желать осуществленія нѣко-
 торыхъ изъ нихъ для блага своего народа. Такъ изъ числа
 вопросовъ, тогда затронутыхъ, въ особенности интересовалъ
 всѣхъ вопросъ объ несчастной участи тѣхъ дѣтей, „коихъ ма-
 тери влосчастныя—покидаютъ, оставляютъ, или что злѣе—
 умерщвляютъ“. Въ заботѣ и состраданіи къ ихъ участи, госу-
 дарыня рѣшилась осуществить мысль, нѣкоторыхъ друзей че-
 ловѣчества, объ устройствѣ для этихъ несчастныхъ особыхъ
 убѣжищъ и для выраженія своей воли нашла себѣ ревностнаго
 исполнителя въ лицѣ И. И. Бецкаго. Воспитанный за грани-
 цей, въ самомъ круговоротѣ идей того времени, самъ нѣкогда
 по рожденію поставленный въ возможность на себѣ испытать
 участь отвергнутыхъ матерями дѣтей, этотъ по истинѣ другъ
 човѣчества глубоко былъ проникнутъ чувствовали любви и
 состраданія къ ближнимъ. По его проекту были открыты сна-
 чала въ Москвѣ, въ 1763 году, а впоследствии и въ Петер-
 бургѣ, воспитательные дома, которые, какъ писала импера-
 трица въ манифестѣ отъ 1 сентября 1763 года, „какъ бого-
 угодно и государственное учрежденіе будетъ на нѣки подѣ

фонарь въ колокольной башнѣ собора, посколькузнулся на высотѣ сани-
 комъ 30 сажень, упалъ внизъ и расшибся до смерти.

Начавшіяся въ 1832 году работы по обновленію и окончанію собора
 продолжались до 1835 года. Но при этомъ относительно внутренней его
 отдѣлки уже не имѣлось въ виду держаться проекта Растрелли, требо-
 вавшаго большихъ издержекъ. При министерствѣ финансовъ была учре-
 ждена коммиссія подѣ председательствомъ дѣйстви. ст. сов. фонъ-Трей-
 блята. Работы и составленіе проекта внутренней отдѣлки поручены были
 архитектору Стасову подѣ ея наблюденіемъ. Храмъ былъ освященъ 20 іюня
 1835 года.—Въ дѣлахъ о востроеніи Смольнаго монастыря сохранился и
 чертежъ иконостаса главнаго прѣдѣла собора,—работы графа Растрелли,—
 но онъ также не былъ приведенъ въ исполненіе.—Устроившій при реста-
 вращеніи собора въ 1875 году, иконостасъ, по рисунку мастера—Шрадера,
 по невѣдѣнію о хранящемся проектѣ иконостаса графа Растрелли, пред-
 ставляетъ слабую, хотя и дорого стоящую попытку поддѣлаться подѣ
 стилъ знаменитаго зодчаго.

особливимъ Монаршимъ покровительствомъ и призраііемъ⁴. Другой современный вопросъ, занимавшій императрицу, касался необходимости рациональнаго воспитанія молодого поколѣнія, на началахъ религіозныхъ и нравственныхъ. И здѣсь она нашла себѣ точнаго выразителя своихъ мыслей и воли въ томъ же ревностномъ сотрудникѣ по устройству совидаемыхъ ею учрежденій. „Единственное средство, писалъ онъ въ своемъ *генеральнымъ учрежденіи о воспитаніи*, представленномъ императрицѣ, „приравнять Россію къ прочимъ просвѣщеннымъ государствамъ Европы состоитъ въ томъ, чтобы образовать въ ней среднее, или третье сословіе,—а для достиженія сего единое только (средство) остается: произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцевъ и матерей, которые дѣтямъ бы своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, итакъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоюго пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ на пятомъ и на шестомъ году¹⁾.

Для молодого поколѣнія мужескаго пола, кромѣ училищъ духовныхъ, издавна получившихъ свое начало, существовало въ Петербургѣ учрежденіе, заслужившее себѣ довѣріе и расположеніе дворянства,—это сухопутный шляхетскій, впоследствии 1-й кадетскій корпусъ,—основанный еще въ 1732 году. Затѣмъ въ 1762 году, при императрицѣ Екатеринѣ, были открыты артиллерійскій и инженерный корпуса, впоследствии 2-й кадетскій. Но ничего не было сдѣлано въ учебно-воспитательномъ отношеніи для воспитанія и образованія молодого поколѣнія женскаго, несмотря на очевидную важность его вліянія какъ на улучшеніе быта частнаго и общественнаго, такъ и на развитіе будущихъ поколѣній. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ въ воспитаніи русскаго юношества, и дать обществу русскому образованныхъ женщинъ, добровоспитанныхъ жецъ и матерей, а самой женщинѣ русской возможность успѣшнѣе и лучше выполнить свое прекрасное назначеніе въ семьѣ и обществѣ,—великая государыня и задумала основать первое женское заведеніе въ Россіи. И здѣсь исполнителемъ ея монаршей воли и лучшимъ выразителемъ ея мыслей о женскомъ

¹⁾ Генеральн. учрежденіе о воспитаніи, стр. 9.

воспитанія дѣвицъ—явился И. Н. Б. По порученію только императрицы имъ былъ составленъ—„Уставъ воспитанія двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ“, до сихъ поръ, за немногими исключеніями, которыя были даны своему вѣку, не потерявшій своего важнаго значенія въ педагогическомъ отношеніи и послужившій впоследствіи образцомъ и главнымъ руководствомъ для устройства возникавшихъ у насъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Планъ воспитанія дѣвицъ, начертанный Бецкимъ, былъ одобренъ и утвержденъ императрицею, и 5-го мая 1764 года состоялся ея указъ Сенату слѣд. содержанія: Въ новоотроющемся С.-Петербургскомъ Воскресенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ учредили Мы воспитывать непрерывно до двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ и при семъ онаго воспитанія подтвержденный Нами Уставъ—прилагаемъ,—повелѣвая его напечатать и разослать по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ,—дабы вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, которое при освященіи монастыря дѣломъ самымъ начнется будущаго іюня 28 дня, сего года, каждой изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ, въ младенческихъ лѣтахъ, препоручить сему Нами учрежденному воспитанію, такъ, какъ въ уставѣ предписано. Начальницею же къ сему воспитанію Мы уже опредѣлили княжну Анну Долгорукую, а правительницею—умершаго статскаго дѣйствительнаго совѣтника—де-Лафона, жену, вдову Софію де-Лафонъ.

Екатерина.

(Въ Сарскомъ селѣ, мая 5 дня 1764 года) ¹⁾.

Конечно, тогдашнее общество русское, по новости этого дѣла, прежде всего заинтересовалось правилами приѣма во вновь открываемое заведеніе—и она съ точностію были обозначены въ уставѣ. По содержанію своему раздѣленныя на двѣ главы, изъ коихъ въ первой, подраздѣленной еще кромѣ того на шесть отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ положеніе о четырехъ возрастахъ дѣвицъ и инструкціи начальницѣ, ея помощницѣ-правительницѣ, надзирательницамъ, учительницамъ и мастерамъ,—правила приѣма изложены въ 9-ти пунктахъ. Число дѣвицъ перваго должно было состоять изъ 50-ти, не свыше 5-ти и 6-ти лѣтъ. Въ первомъ году по принятіи ихъ и въ слѣдующіе два года, сказано было, „хотя и убылыя мѣста случатся, ни единыя

¹⁾ Полное Собр. Закон. № 12. 154.

болѣе принимать не дозволяется; но оный пріемъ всегда возобновлять по прошествіи трехъ лѣтъ (§ 2). При пріемѣ требовалось представить въ совѣтъ удостовѣреніе о дворянскомъ происхожденіи дѣвицы (§ 3), а также метрическое о рожденіи и крещеніи (§ 4). Недостаточные родители, дѣтямъ которыхъ давалось предпочтеніе предъ другими, могли прописывать свою службу и средства отъ пищія, — а сироты — отцовскую службу, — былъ ли онъ раненъ, или убитъ на войнѣ (ibid.). Свидѣтельство о востояніи недостаточномъ родителей дѣвицы, не должно быть никому извѣстно, кромѣ начальницы, а въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, должно быть удостовѣрено отъ дворянства (§ 5). Всѣ эти документы вручались начальницѣ, которая, удостовѣрившись, что на дѣвицѣ была оспа, запечатывала ихъ въ пакетъ, вносила въ списокъ принимаемую, — а документы отправляла подъ № въ архивъ для храненія до выпуска (§ 6). Затѣмъ вручала принятую учительницѣ для экипировки въ платье заведенія и пріемъ оканчивался (§ 7). „Все оное разумѣется о здоровыхъ дѣвицахъ, а увѣчныя, слѣпыя и т. п. также имѣющія болѣзни, которая другимъ вредить можетъ, принимаемы не будутъ“ (§ 8). Кромѣ того уставъ требовалъ — чтобы родители и родственники дѣвицы — дали письменное обязательство въ томъ, что „они по собственному своему произволенію и видя будущую дочерямъ ихъ отъ сего воспитанія пользу, препоручаютъ въ опеку совершенно до 18 лѣтъ возраста, такъ что до исходу того двѣнадцатилѣтняго времени, имъ подѣ какимъ видомъ обратно требовать ихъ не стануть“ (§ 9). Наконецъ, если дѣвица при окончаніи курса осиротѣеть, или, по какимъ-либо причинамъ, — пожелаетъ сама еще остаться въ Обществѣ, то это ей разрѣшается на два, или на три года, только не въ числѣ воспитанницъ классныхъ ¹⁾.

Какъ же отнеслось общество и притомъ лучшая часть его, дворянство, къ мысли своей великой государыни? Къ сожалѣнію нужно сказать, — что тогдашнее общество, не сознавая еще всей важности и необходимости женскаго образованія, взглянуло на учрежденіе пераго заведенія, какъ на нововведеніе и встрѣ-

¹⁾ Во второй главѣ Устава въ 42 §§-хъ изложены сначала общія понятія о воспитаніи, затѣмъ говорится объ обученіи наукамъ и художествамъ, а также домашнему хозяйству, о сѣздахъ и собраніяхъ при заведеніи, о концертахъ въ немъ и драматическихъ представленіяхъ. Затѣмъ о пищѣ, одеждѣ, гуляньяхъ и забавахъ, о комнатахъ, мыльняхъ, лазаретѣ и проч. Въ концѣ главы приложено штатъ заведенія. Мы еще нѣсколько разъ вернемся къ уставу.

тило извѣстіе о немъ холодно и недовѣрчиво. Отцы и матери не рѣшались разстаться съ своими дочерьми и притомъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, который самъ по себѣ требовалъ еще домашняго попеченія и ухода. Ихъ пугала самая мысль о долгой разлукѣ съ ними, и самое представленіе о жизни ихъ дѣтей, въ особенности родителей провинціальныхъ, въ столицѣ, на чужбинѣ,—и притомъ еще въ монастырѣ—рѣшительно дѣйствовало на нихъ самымъ отталкивающимъ образомъ. Все это было весьма естественно при неподготовленности общества и новизнѣ для него дѣла, и великій умъ государыни хорошо предвидѣлъ всѣ предубѣжденія тогдашняго большинства дворянства относительно задуманнаго ею учрежденія, но не смущался этимъ. Не было принято никакихъ мѣръ понудительныхъ,—но было выражено только желаніе—привлечь родителей къ отдачѣ дѣтей въ заведеніе, освобождая ихъ отъ всякой платы за воспитаніе и обученіе и предоставляя всѣмъ имъ равное обезпеченное содержаніе. Все это правительствомъ принималось на собственный счетъ. Послѣдствія не замедлили оправдать ожиданія Императрицы, но на первыхъ порахъ, только разумное и просвѣщенное меньшинство вполне оцѣнило благія намѣренія и цѣли своей мудрой монархини и ясно сознало, что „преодолѣть суевѣріе вѣковъ, дать народу новое воспитаніе и, такъ сказать, новое порожденіе,—есть дѣло совокупленное съ невѣроятными трудами и прямая оныхъ польза остается вся потомству“¹⁾. Вотъ почему Уставъ Воспитательнаго Общества, разосланный при указѣ 5 мая, „по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ“, не встрѣтилъ себѣ тамъ привѣтственнаго сочувствія. Только изъ Москвы, голосъ которой всегда первымъ откликается на всякій призывъ воли монаршей, слышался и притомъ сразу по полученіи тамъ устава, сочувственный откликъ, но и онъ, кажется, не имѣетъ благопріятнаго успѣха.

10-го мая 1764 года, московскій главнокомандующій, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ²⁾, вошелъ съ докладомъ импе-

¹⁾ Генеральн. учрежд. стр. 2.

²⁾ Графъ П. С. Салтыковъ, фельдмаршалъ, побѣдитель Фридриха Великаго въ Семилѣтнюю войну при Кунерсдорфѣ,—былъ извѣстенъ своею храбростію. Но при появленіи въ Москвѣ въ 1770 г. чумы, онъ, будучи въ ней главнокомандующимъ, къ общему удивленію, не оказалъ никакой твердости духа, оставилъ столицу и выѣхалъ въ свою деревню. Волѣдствіе этого потерялъ расположеніе императрицы, — просилъ отставки и былъ уволенъ отъ службы 7 апрѣля 1772 г. Душевная скорбь свеза его въ могилу въ декабрѣ того же года.

ратрицѣ слѣд. содержанія: „Всемиловѣйшая Государыня! На послѣдней почтѣ имѣлъ честь получить высочайшее В. и В-ства повелѣніе и при письмѣ г. Бецкаго копію съ регламента о воспитаніи благородн. дѣвицъ, В. и В-ствомъ высочайше апробованнаго, а какъ уже здѣсь, въ Москвѣ, по учиненному отъ меня разглашенію о семъ В. и В-ства высокомонаршемъ намѣреніи, которое теперь и самымъ дѣломъ къ приумноженію благополучія вѣрноподданныхъ открылось, — за нѣсколько дней предъ симъ, явились 10-ть благородн. дѣвицъ, желающихъ быть участницами сего всемиловѣйшаго воспитанія, изъ коихъ нѣкоторыя не были еще въ оспѣ, то во исполненіе высочайшаго В. и В-ства повелѣнія, всеподданнѣйше представляя о семъ В. и В-ству, — дерзаю при томъ испросить, соизволите-ль В. и В-ство всемиловѣйше указать, сихъ желающихъ отправлять теперь въ Петербургъ. — На сіе В. и В-ства всемиловѣйшаго повелѣнія ожидая, повергаю себя со всеглубочайшимъ респектомъ въ высокомонаршую В. и В-ства щедроту“.

Того же 10-го мая отправлено было имъ письмо и къ П. И. Бецкому. „Государь мой! Иванъ Ивановичъ“! писалъ графъ. „За почтенныя письма В. Пр-ства и присланной по Высоч. Е. И. В. соизволенію апробованной регламентъ о воспитаніи благ. дѣвицъ, также и описаніе иллюминація, имѣю долгъ В. Пр-ству засвидѣтельствовать чувствительнѣйшую мою благодарность и совершенно признаться въ томъ, что В. Пр-ство сверхъ услугъ моихъ и употребленныхъ мною при вложеніи Воспит. Дома старанія и труда, по одной только благосклонности Вашей ко мнѣ за то меня благодарить весьма изволите, — что я хоти по преданности моей, а больше по ревностному рабскому усердію моему, соотвѣтствуя всеподданнѣйше высоч. Всемил. Государыни соизволенію, навточнѣйше исполнять обязанъ былъ. При семъ за нужное нахожу объявить В. Пр-ству, что по разглашенію моему здѣсь, явились еще прежде нижеслѣдующія, кои желая воспользоваться Е. и В. высоч. милосердіемъ, просятъ къ принятію ихъ на воспитаніе, а именно: (слѣдуютъ имена и фамиліи и лѣта 10 дѣвицъ). И хотя между тѣмъ просила меня о принятіи дочери своей подполковника Ветича жена его, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, мужемъ своимъ здѣсь безъ всякаго пропитанія оставленная, которая поданную ко мнѣ отъ нея челобитную о томъ представили уже Е. и В., однако какъ онъ, Ветичъ, чужестранецъ, и изъ дворянъ ли, того неизвѣстно, то въ разужденіе сего не могу

включить ея въ сіе число желающихъ, коихъ, какъ уповательно, впредь еще гораздо больше будетъ. И когда онѣ будутъ отправлены въ Петербургъ, то гдѣ имъ по прибытіи тамъ явиться, о томъ испрашиваю наставленія⁴. Въ концѣ письма графъ напоминаетъ Ивану Ивановичу о стѣнѣ Бѣлаго города, на разобраніе которой безъ именного указа не осмѣливается.— Въ заключеніе просить благосклоннаго отвѣта.

Иванъ Ивановичъ Бецкій, замѣтивъ, что графъ не обратилъ должнаго вниманія на тѣ лѣта, которыя для приѣма положены были въ уставѣ,—тавъ какъ въ числѣ дѣвицъ, только двѣ, въ письмѣ графа были показаны 5-ти и 6-ти лѣтъ, а остальные имѣли отъ 9-ти, 10-ти, 11-ти, до 12-ти и даже одна была 15-ти лѣтъ—писалъ къ нему отъ 14 мая. „М. Г. мой! графъ П. С. Письмо В. С-тва отъ 10-го мая сего жъ мѣсяца, имѣлъ честь получить и на оное покорно доношу, что по высочайше апробованному генеральному учрежденію и уставу о воспитаніи благородн. дѣвицъ,—принимать будутъ только 5-ти и въ исходѣ 6-го года, въ чемъ нанежайше наблюдаемо будетъ; которыя съ надлежащимъ свидѣтельствомъ въ С.-Петербургъ, при Воскресенскомъ монастырѣ, въ Совѣтъ—являться должны. А имѣющія болѣе сихъ лѣтъ, слѣдовательно и желающія въ Москвѣ, о коихъ отъ В. С-тва объявлено—приняты быть не могутъ.

Между тѣмъ графъ Салтыковъ, извѣстивши императрицу о дѣвицахъ, желавшихъ поступить въ заведеніе, и озабоченный ихъ отправкою въ Петербургъ—не упомянулъ о ихъ лѣтахъ въ своемъ докладѣ ей 10-го мая и не ожидая даже отъ И. И. Бецкаго отвѣта, помѣщеннаго выше, на письмо свое, послалъ къ нему другое, отъ 13-го числа. „Государь мой Иванъ Ивановичъ! Полученный мною отъ В. Пр-ства планъ о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ, пока печатный еще не вышелъ, по приказу моему вдѣсь списыванъ и многимъ уже сообщенъ. — В. Пр-ство послѣднимъ письмомъ отъ 3-го сего мая увѣдомить меня нволили, что открытіе сего воспитанія послѣдуетъ 28-го будущаго іюня, а въ томъ же письмѣ получилъ я высочайшее Е. И. В-ства повелѣніе объ отправленіи въ Петербургъ желающихъ, коихъ по сіе число оказалось 10-ть, и о которыхъ прежнимъ письмомъ моимъ В. Пр-ству сообщалъ,—на казенномъ ли коштѣ, буде онѣ по неимуществу своему сами съѣхать чѣмъ не имѣютъ.—А какъ и всѣ онѣ бѣдные люди, да и впредь таковыхъ уповательно много являться будетъ, — сверхъ же того, матери или родственники проводить ихъ до мѣста пожелаютъ, а при нихъ и служанкамъ быть надлежитъ,

также для провѣду коляскамъ и такому челобѣку, — которому препровожденіе ихъ препоручить, то во уваженіе сего, какъ нынѣшней случай, такъ и на всегдашнее время, испрашиваю у В. Пр-ства доложить Е. и. В-ству: поскольку каждой соизволить указать дать на провѣдъ и за чьимъ присмотромъ ихъ отправлять, — покоевыя подъ нихъ коляски покупать, или брать изъ Коношенной конторы, буде тамъ какіи найдутся.

Старый фельдмаршалъ видимо надобдалъ Бецкому своими мелочными разспросами въ столь ясномъ, казалось, для послѣдняго, дѣлѣ и потому отвѣтъ былъ слѣдующій: Мил. Г. графъ Петръ Семеновичъ! Е. и. В-ство повелѣла на письмо В. С-тва отписать, что въ опубликованномъ манифестѣ и уставѣ о воспитаніи благор. дѣвицъ—всеѣ обстоятельства показаны, по которымъ и принимать будутъ. По полученному жъ мною отъ В. С-тва письму Е. В-ству доложить время еще не улучшилъ, а когда можно будетъ—доложу. Но дабы затѣмъ о пріѣздѣ дѣвицъ къ 28-му числу сего мѣсяца остановки не послѣдовало, не изволите ли сама во отправленіи способы выискать“. О чемъ донесъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. мая 24-го дня 1764 г.

Мы не имѣемъ отвѣта графа на это письмо къ нему Бецкаго, посланъ 24 мая, но не думаемъ, чтобы онъ остался доволенъ отвѣтомъ послѣдняго. Его могло оскорбить нѣкоторое невниманіе къ нему сподвижника императрицы и къ его заботамъ по отправкѣ дѣвицъ, хотя и неподходящихъ по Уставу, въ Петербургъ. Изъ отвѣта Бецкаго видно, что онъ, видя неподходящія лѣта большинства Московскихъ дѣвицъ, не сдѣлалъ и доклада государынѣ о выдачѣ имъ прогонныхъ денегъ. Между тѣмъ императрица, заинтересованная московскими кандидатками, удивлялась, что, слишкомъ два мѣсяца спустя послѣ доклада о нихъ 10 мая, не имѣетъ о нихъ никакого извѣстія. Это вѣроятно дошло до свѣдѣнія графа и вызвало слѣдующій отвѣтъ на письмо къ нему Бецкаго отъ 8-го іюля, — къ сожалѣнію также не сохранившееся. „Государь мой, Иванъ Ивановичъ! Почтенное письмо В. Пр-ства отъ 8-го сего мѣсяца, мною сей день полученное, привело меня въ великое оскорбленіе о томъ, что Е. и. В-ство, всемилостивѣйшая Государыня, удивляется изволить, что о благородныхъ дѣвицахъ никакого извѣстія отъ меня не имѣетъ,—а В. Пр-ство, исполняя притомъ высочайшее Е. и. В-ства повелѣніе увѣдомить не оставилъ, что кромѣ тѣхъ, о коихъ вамъ прежде сообщалъ, никакая въ настоящія по уставу о благ. дѣвицахъ лѣта не явилась, въ противномъ же случаѣ, въ то жъ самое время, въ силу вы-

сочайше даннаго мнѣ повелѣнія, желающихъ въ Петербургъ были бы отправлены. Сей случай неоспоримымъ образомъ къ сожалѣнію нашему даетъ намъ знать, что еще въ нравахъ нашего дворянства осталась прежнихъ временъ суровость, которая не допускаетъ ихъ воспользоваться безпримѣрною Е. и В.-ства матернею щедротою. Впрочемъ и пр. іюля 15 окт. 1764 г.

Бецкій отвѣчалъ Салтыкову: Мил. Г-рь мой, графъ Петръ Семеновичъ!

„Письмо В. С-тва отъ 15 сего мѣсяца съ почтеніемъ получилъ и на оное имѣю честь мнѣніе мое донести, дабы изъ явившихся благород. дѣвицъ, о которыхъ въ письмѣ В. С-тва отъ 10 мая объявлено было, выбрать прислать въ положенныя по уставу дѣта.—При семъ прилагаю отданное мнѣ отъ Е. и В.-ства письмо, поданное въ Ригѣ отъ Алексѣя Шишкина о его дочеряхъ, изъ которыхъ Варвару и прочихъ, буде явятся въ нынѣшнемъ году, по освидѣтельствованіи, на основаніи устава, покорно прошу отправить въ Петербургъ. Впрочемъ и проч. Иванъ Бецкой 26 іюля, 1764 г. ¹⁾).

Неизвѣстно, были ли приняты дѣвицы изъ Москвы, имѣвшія и законныя дѣта—полковника Тимашева дочь 5-ти лѣтъ и прапорщика Снявина—6-ти. Вѣроятно доставлены не были,—потому что въ спискахъ перваго приѣма этихъ фамилій—нѣтъ.—Упоминаемая въ послѣднемъ письмѣ Бецкаго дѣти Шишкина были въ Москвѣ у своего дѣда и Варварѣ было 5 лѣтъ,—но также не была доставлена.—Во всякомъ случаѣ во всемъ этомъ дѣлѣ нельзя не отдать справедливости графу Салтыкову, какъ первому изъ губернскихъ администраторовъ, оказавшему свое сочувствіе и содѣйствіе къ открываемому Императрицею первому женскому учебному заведенію, и еще ранѣе доказавшему свое усердіе при устройствѣ въ Москвѣ Воспитательнаго Дома.

Такъ какъ открытіе монастыря и заведенія, по указу 5-го мая, назначено было 28-го іюня, въ день восшествія на престолъ Императрицы,—то къ этому дню сдѣланы были и всѣ необходимыя приготовленія въ монастырскомъ зданіи.

И. И. Бецкій еще 7-го мая сдѣлалъ предложеніе конторѣ строенія монастыря, чтобы къ 26-му іюня „какъ монастырь ко

¹⁾ Переписка хранится при бумагахъ И. И. Бецкаго, въ архивѣ Смольнаго Института за №№ 3, 4; 8, 9 и 10. Черновыя письма писаны Бецкимъ собственноручно. Недостають только письма его къ графу-Салтыкову отъ 8-го іюля 1764 года, равно какъ и отвѣтнаго письма графа на письмо къ нему Бецкаго, отъ 24-го мая.

освященію, такъ надобныя для пребыванія г-жи начальницы и правительницы, дѣвицамъ и другимъ, опредѣленнымъ по уставу, людямъ, покои и прочее, въ исправность привести и во всѣхъ мѣстахъ чистоту имѣть, дабы ни въ чемъ остановки и препятствія быть не могло¹⁾. Но назначенное въ этотъ день торжество не могло состояться. Препятствіемъ къ тому послужилъ отъѣздъ Императрицы 20-го іюня въ Лифляндію, для свиданія въ Ригѣ съ королемъ польскимъ Станиславомъ Полятовскимъ²⁾.—Государыня возвратилась въ Петербургъ 23-го іюля, и днемъ открытія назначено было 4-е августа.

Къ этому дню должны были собраться, какъ юныя питомицы для наведенія, такъ и тѣ обитательницы монастырскаго зданія, пребываніе которыхъ въ немъ и даетъ ему собственно названіе монастыря.

IV.

Желаніе Императрицы въ зданіи Смольнаго монастыря устроить небольшую иноческую женскую обитель.—Записка митрополита Дмитрія Сѣченова св. Синоду о выборѣ монахинь.—Протоколъ Синода о вызовѣ монахинь изъ монастырей московскихъ: Новадѣвичьяго и Вознесенскаго и изъ Смоленска, изъ монастыря Вознесенскаго.—Совмѣстное довошеніе св. Синоду митрополитовъ: Тимофея московскаго и Амвросія Крутицкаго о выбранныхъ монахиняхъ изъ московскихъ монастырей.—Списокъ монахинь.—Довошеніе св. Синоду Парвенія, епископа Смоленскаго о выбранныхъ монахиняхъ и ихъ списокъ.—Отправка монахинь въ Петербургъ.—Докладъ комисіи о церковныхъ имѣніяхъ о штатѣ для Воскресенскаго Новадѣвичьяго монастыря и штатѣ онаго.—Прибытіе монахинь въ Петербургъ къ 28-му іюня.

Устроивая первое женское учебно-воспитательное заведеніе въ Россіи въ томъ зданіи, которое его высокою основательницею собственно предназначалось для женской иноческой обители,—Императрица Екатерина, въ принятельномъ воспоминаніи о своей Теткѣ, къ памяти которой всегда питала благоговѣйное уваженіе и любовь, желала и въ основанномъ ею зданіи и при повомъ его назначеніи, сохранить прежнее, устроивъ въ немъ женскую иноческую обитель, хотя далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она предполагалась въ августѣйшею предшественницею³⁾. Съ этою цѣлію ей дано было пове-

¹⁾ Дѣло Бецкаго,—въ архивѣ Общ. бл. дѣвицъ, № 2.

²⁾ XVIII вѣкъ, историческій сборникъ. Переписка Императрицы Екатерины съ Н. И. Панинымъ, по дѣлу Миновича.

³⁾ Изъ письма Императрицы къ Вольтеру отъ 30 января 1772 г. видно, что число монахинь—въ Смольномъ монастырѣ Императрицею Елисаветою Петровною предполагалось въ 300 чел. „Вы знаете, пишетъ

лѣніе митрополиту Новгородскому Дмитрію Свѣчену, озаботиться выборомъ игуменья и монахинь для вновь устрояемаго монастыря. Исполняя повелѣніе Императрицы, преосвященный, 28 апрѣля 1764 года, вошелъ запискою въ Синодъ, слѣд. содержанія: „Ея Имп. В-ство, въ будущее празднество высочайшаго своего восшествія на всероссійскій престолъ, т. е. іюня 28 дня, намѣреніе воспріять соизволила—въ С.-Петербургскій Воскресенскій Дѣвичій монастырь ввести игуменью и отъ двѣнадцати, до шестнадцати стариць,—а притомъ (приписано: за первый случай) шестьдесятъ малолѣтнихъ дѣвиць, дворянскихъ дочерей, для воспитанія въ томъ же монастырѣ“. (Приписано: которыхъ послѣ до двухъсотъ будетъ).

„Высочайшее Ея И. В-ства повелѣніе состоитъ въ томъ,—чтобы игуменья была честнаго и добраго житія, такъ какъ и всѣ старицы, изъ которыхъ званіе нѣкоторымъ опредѣляется обыкновенныхъ старческихъ властей, а нѣкоторыя во время службы Божіей пѣть должны на крылосахъ и притомъ за больными дворянскими дочерьми, которыя въ монастырѣ будутъ воспитываться,—ходить. Надобно при томъ же, чтобы упомянутыя старицы были,—ежели можно, изъ дворянокъ, и житія и обхожденія благороднаго и опрятнаго, которыхъ Ея Имп. В-ство повелѣваетъ искать прежде изъ Смоленокъ¹⁾. (Приписана: Кропотова и Козловская въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ, или въ Вознесенскомъ“).

Св. Синодъ, выслушавъ записку преосвященнаго Дмитрія, протоколомъ отъ того же апрѣля 28 дня 1764 года опредѣлилъ: 1. Преосвященнымъ митрополитамъ: Тимоѳею Московскому и Амвросію Крутицкому послать указы, чтобы они, „обще состоящихъ въ Московскихъ: Новодѣвичьемъ и Вознесенскомъ монастыряхъ игуменій и монахинь—персонально пересмотрѣли и чрезъ кого пристойно надостовернѣйше развѣдали,—кто изъ нихъ каковаго житія и состоянія, изъ какихъ

Императрица Вольтеру,—что 500 дѣвиць воспитываются въ томъ монастырѣ, который предназначался для пребыванія 300-тъ невѣстъ Христовыхъ“. Бумаги Имп. Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Собр. и изд. академикомъ Нк. Гротомъ.—Томъ III. 1762—1774

¹⁾ Т. е. изъ урожденокъ Смоленской губерніи, или быть можетъ, изъ монастырей Смоленской епархіи Синод. архива дѣло объ опредѣленіи въ С.-Петербургскій Воскресенскій монастырь, именуемый Смольный, монахинь и о штатѣ сего монастыря. 1764 г. № 49-й. Въ запискѣ, внесенной Преосвщ. Дмитріемъ въ Синодъ, указанныя приписки слѣзаны посто­роннею рукою и нѣтъ подписи Преосвященнаго.

чиновъ и каяхъ лѣтъ и есть ли между ними такія имощи, которыя по означенному Е. И. В-ства Высочайшему благоволенію ко вмѣщенію въ Воскресенскій монастырь достойными и для пѣнія способными быть могли. А какъ небезъизвѣстно, что между монахинями въ тѣхъ монастыряхъ находятся изъ дворяновъ, по фамиліи, одна Кропотова, а другая Козловская, того ради и объ оныхъ протѣвъ вышечисаннаго жъ развѣдавъ, обстоятельно жъ св. Синоду представили“. Во 2-хъ, такой же указъ послать преосвященному Смоленскому Пароенію, чтобы онъ „учинилъ самое вѣроятнѣйшее развѣдываніе о состоящихъ монахиняхъ въ Смоленскѣ и съ достовѣрнѣйшимъ описаніемъ ихъ состоянія и годности представилъ бы св. Синоду, въ полномъ обстоятельствѣ, какъ наискорѣе возможно“, дабы къ назначенному сроку можно было бы отправить монахинь изъ Москвы и изъ Смоленска. Въ 3-хъ, указы преосвященнымъ и вице-митрополита Дмитрія отправить съ нарочнымъ канцелярскимъ служителемъ св. Синода, которому какъ можно скорѣе ѣхать сначала въ Москву, а потомъ въ Смоленскъ. Нарочному дать двѣ готовые подводы и прогонныя деньги и по пріѣздѣ въ Москву и Смоленскъ употреблять всевозможное стараніе, чтобы свѣдѣнія о монахиняхъ были представлены въ св. Синодъ въ самомъ непродолжительномъ времени,—а по отправленіи свѣдѣній ожидать ему изъ св. Синода указа въ Смоленскъ. Подлинныя подписали 28 апрѣля 1764 г. Дмитрій, митрополитъ Новгородскій, Гавріилъ, архіепископъ С.-Петербургскій, Аванасій, епископъ Ростовскій, Лаврентій, архимандритъ Троицко-Сергіевой лавры, Кириллоблгородскій архимандритъ Симонъ.

За монахинями съ указами къ преосвященнымъ отъ 29-го апрѣля былъ отправленъ синодальный регистраторъ Николай Чернявскій, при чемъ этому чиновнику была дана инструкція: „будучи въ пути, обидѣ никому не чинить, также ото живыхъ и тебѣ точно неизвѣстныхъ дѣлъ воздерживаться и по дорогамъ тѣмъ жителей въ безпокойство приводить—не дерзать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, онаго въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, а поступать въ томъ, какъ имянный—блаженный и вѣчно достойная памяти государя Императора Петра Великаго—1724 г. генваря 18-го дня, указъ повелѣваетъ“.

Чернявскій ѣхалъ быстро и 4-го мая былъ уже въ Москвѣ. Преосвященные Московскій и Крутицкій, получивъ указы, 10-го числа того же мѣсяца, отправили въ Синодъ совмѣстное доно-

шеніе и обстоятельный списокъ избранныхъ для Воскресенскаго монастыря монахинь, что и было получено Синодомъ 16-го числа. „И по силѣ оныхъ указовъ, писали преосвященные, „въ предписанныхъ Новодѣвичьяго и Вознесенскаго монастыряхъ о имѣющихся игуменьяхъ и монахиняхъ разсматривано и чрезъ кого надлежательно надостоверѣйше развѣдывано было; почему оныхъ Новодѣвичьяго и Вознесенскаго монастырей игуменьи, какъ небезвѣстно имѣются,—первая, по не молодымъ ей лѣтамъ, въ слабости здоровья, вторая имѣетъ отъ рожденія себѣ болѣе шестидесяти лѣтъ.—А изъ имѣющихся въ тѣхъ монастыряхъ монахинь ко вмѣщенію въ Воскресенскій Дѣвичій монастырь достойными быть оказались, а именно: изъ дворянъ,—показанная въ указѣ,—Новодѣвичьяго монастыря монахиня Елпидифора Кропотова, Евгенія Яцынина, Маргарита Дурова. Изъ купечества: Максимилія Прохорова, Анатолія Петровна.—Изъ малороссіянокъ: Дороея Петрова.

Приложенъ списокъ монахинь в Вознесенскаго монастыря (Московскаго): изъ дворянъ Тыртовыхъ—соборная монахиня Анатолія, изъ дворянъ Ржевскихъ—крылосная монахиня Іонія. Изъ приказныхъ: соборная жъ и главная уставщица Епафродита Милюкова.—Всего изъ московскихъ монастырей—девять человекъ.

Затѣмъ слѣдуетъ вѣдомость, въ которой за подписью преосвященныхъ,—показаны званіе, лѣта, грамотность и послушаніе:

Новодѣвичьяго монастыря: 1) Елпидифора Ивановна, дочь Кропотова, великороссіянка, бригадирская дочь, сорока лѣтъ, грамотѣ умѣетъ,—соборная ¹⁾. 2) Намѣстница Евгенія Михайлова дочь Яцынина, изъ Смоленскаго шляхетства, пятидесяти двухъ лѣтъ,—грамотѣ умѣетъ. 3) Маргарита Александрова, дочь Дурова, великороссіянка, изъ дворянъ, сорока одного года,—гробовая ²⁾, грамотѣ умѣетъ. 4) Анатолія Петрова дочь, великороссійскаго купечества, тридцати лѣтъ,—пряденіе и шитье четокъ, грамотѣ умѣетъ. 5) Максимилія Прохорова дочь, великороссійскаго купечества, тридцати лѣтъ, шьетъ четки, грамотѣ умѣетъ. 6) Дороея Петрова дочь, малороссіянка, двадцати лѣтъ, грамотѣ умѣетъ, пряденіе.

¹⁾ Соборными монахинями называются тѣ, которыя имѣютъ съ игуменьею, намѣстницею и казначеею засѣдаютъ въ совѣтѣ по дѣламъ монастырскимъ. Изъ нихъ и составляется совѣтъ,—духовный соборъ.

²⁾ Гробовою—называется монахиня, находящаяся во время богослуженія при мощахъ и наблюдающая за чистотою раки.

Объ означенныхъ всѣхъ монахиняхъ, въ доношеніи Ново-дѣвичьяго монастыря игуменья съ сестрами объявлено, что оныя житія и состоянія—добропорядочнаго.

Такая же вѣдомость представлена и отъ Вознесенскаго московскаго монастыря. Изъ Дворянства: 1) соборная монахиня Анатолія Ильина Тыртова, изъ дѣвиць, — дочь Нарвскаго пѣхотнаго полка поручика Ильи Семенова Тыртова, житія и состоянія достойнаго, грамотѣ и шить золотомъ умѣющая, и обхожденія благороднаго и опрятнаго. Тридцати четырехъ лѣтъ. 2) Крылосная Іонія Ивановна, изъ дворянъ Ржевскихъ, изъ дѣвиць, дочь прежнихъ служебъ жильца, Ивана Ржевскаго, житія и состоянія добраго, грамотѣ, пѣть и читать умѣющая. Сорока восьми лѣтъ. 3) Соборная, надъ крылосными главная уставщица, хотя не изъ дворянъ, но достоинствомъ сихъ преимущественная, Епафродита Милюкова, изъ дѣвиць, дочь Нижняго Новгородъ подъячаго, Ивана Милюкова, житія и состоянія достойнаго и обхожденія благороднаго и опрятнаго. Грамотѣ, писать, читать и пѣть знающая, и уставъ чтенія и пѣнія исправлять и надъ другими крылосными смотрѣть—способная. Тридцати восьми лѣтъ.

Доношеніе преосвященнаго Смоленскаго Пареевія отъ 11 мая,—было получено синодомъ 17-го. „Въ здѣшнемъ Смоленскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, доносилъ преосвященный, „всѣхъ монахинь числомъ 45-ть, изъ коихъ, по особо персональному моему усмотрѣнію и достовѣрнѣйшему развѣданію, нашлось ко вмѣщенію въ Воскресенскій монастырь способныхъ только пять монахинь, ибо почти большая часть между оными старыхъ, лѣтъ отъ 60, 80 и болѣе да и больныхъ много, которыя сами себѣ отъ другихъ помощи требуютъ,—а прочія суть мало годныя и природою равныхъ чиновъ, а не изъ шляхетства,—почему и быть въ такомъ знатномъ монастырѣ—не способны. Кто же тѣ выбранныя и какихъ лѣтъ и чему обучены,—о томъ реестръ. И оныя всѣ житія и состоянія суть честнаго и природою изъ Смоленскаго и заграничнаго польскаго шляхетства и великороссійскаго дворянства“. Далѣе преосвященный извѣщалъ, что настоящее представленіе въ Петербургъ оныя отправляетъ съ нарочнымъ своей консисторіи чиновникомъ Шишковскимъ,—а по почтѣ чрезъ Москву, послать опасался, „для того, что она медленно ходитъ и чтобъ не послѣдовало остановки“. Въ заключеніе преосвященный присовокупляетъ— „какое благоразсмотрѣніе послѣдуетъ, всѣхъ ли тѣхъ выбранныхъ, или же нѣкоторыхъ монахинь, и какихъ именно и на

какомъ кошѣ отправить,—о томъ прошу Вашего Святѣйшества указа“:

1) Аркадія Рарогова, наиѣстница, изъ Смоленскаго шляхетства, пятидесяти двухъ лѣтъ,—рукодѣлье прядильное и вязаніе чулокъ. 2) Памфілія Свихова, ризничая, изъ зарубежнаго польскаго шляхетства, пятидесяти лѣтъ, вязаніе чулокъ. 3) Дометіана Стунѣева, крылошанка, 38 лѣтъ изъ великороссійскаго дворянства, шитье золотомъ. Александра Шубинова, крылошанка, тридцати пяти лѣтъ, изъ Смоленскаго шляхетства, шитье бѣлья. Евменія Шубинова, крылошанка, тридцати лѣтъ, изъ Смоленскаго шляхетства, шитье бѣлья.

Такимъ образомъ число монахинь,—избранныхъ для открываемаго въ столицѣ монастыря, ограничивалось четырнадцатью, изъ коихъ девять были изъ монастырей Московскихъ—Новодѣвичьяго и Вознесенскаго и пять изъ монастыря Смоленскаго Вознесенскаго. 2-го іюня 1764 г. въ собраніи св. Синода, Дмитрій, митрополитъ Новгородскій, словесно объявилъ о соизволеніи Императрицы на отправку въ Петербургъ означенныхъ монахинь и объ отпускѣ имъ изъ коллегіи экономіи прогонныхъ денегъ—каждой монахинѣ на двѣ лошади, а Елпидифорѣ Кропотовой, на четыре, и на содержаніе въ пути каждой монахинѣ по десяти рублей, а Кропотовой—пятнадцать. Синодальному регистратору Чернявскому предписывалось доставить монахинь Смоленскихъ, вмѣстѣ съ Московскими и къ отправкѣ тѣхъ и другихъ изъ Москвы „возимѣть наиприлежное стараніе“.

14-го іюня 1764 г. отъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комисіи состоялся всеподданнѣйшій докладъ Императрицѣ о штатѣ служащихъ при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.—Въ докладѣ было сказано: „по высочайшему Вашего Имп. В-ства повелѣнію С.-Петербургскому Воскресенскому Дѣвичьему монастырю, для игуменя, монахинь и прочихъ чиновъ, комиссіею штатъ учиненъ, въ которомъ для знатности города и того монастыря, также и для дороговизны, денежные оклады противъ прочихъ штатныхъ 1-го класса монастырей — съ отличностію положены и одной для высочайшей В. Имп. В-ства апробаціи подносится при семъ, съ таковымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, что не соизволитель В. Имп. В-ство повелѣть, положенную сумму, по тому штату, въ тотъ монастырь, отпускать изъ доходовъ коллегіи экономіи, такъ какъ и на прочіе монастыри по штатамъ сумму изъ тѣхъ же доходовъ отпускать велѣно. Болѣе же все оное комиссія

передаетъ въ высочайшее В. Имп. В-ства благоволеніе. В. Имп. В-ства всеподданнѣйшіе раби: Дмитрій, митрополитъ Новгородскій, Гавріилъ, архіепископъ С.-Петербургскій, Василій Суворовъ, князь Сергій Гагаринъ, Григорій Тепловъ, Иванъ Мелісина, Тимоѣей Текутьевъ. Оберъ-секретарь Михайло Остолоповъ.

На подлинномъ собственною Е. Имп. В-ства рукою подписано: „Быть по сему. А суму отпускать изъ Собственной Нашей Вотчинной Канцеляріи. Іюня 14-го дня 1764 года“.

При докладѣ приложенъ и штатъ монастыря. Въ немъ положено: Игуменья—1-на. Ея содержанія 300 руб., да ей же за хлѣбъ и за протчую всякую собственно для ея принадлежащую провизію, а притомъ и на фуражъ лошадямъ—300 руб. Казначей 1-ва. Ея 300 руб. А намѣстницы для того не полагается, что во всѣхъ монастыряхъ оныхъ не положено. Монахинь—12-ть, имъ каждой по 100 руб. При ономъ монастырѣ духовнику для монахинь быть изъ іеромонаховъ Александро-Невскаго монастыря, для чего и жалованья ему не полагается. Священниковъ—5-ть, изъ нихъ одному, который вмѣсто протопопа быть имѣеть: 200 руб. А прочимъ четверемъ по 150. Діаконовъ 5-ть. Изъ нихъ первому—120 руб., а прочимъ четверемъ по 100 руб. Изъ нихъ же, кто будетъ трудиться въ обученіи катехизиса, прибавляется сверхъ жалованья—100 руб. Дьячковъ—5-ть, каждому по 60 руб. Просфирія—1-на, ей—24 руб. На просфоры и на церковныя потребн.—200 руб. Итого—1.944 р. Подъячій—1-въ, ему—60 руб. Служителей для всякихъ потребныхъ въ монастырѣ услугъ,—въ томъ числѣ и звонарей—12-ть, каждому по 24 руб. Для услуженія имѣть наемныхъ женщинъ, которыхъ поручить въ распоряженіе игуменьи. Ихъ 20-ть, по 18 руб. Итого 360 руб. Всего на оный монастырь имѣеть быть—4.752 руб. На подлинномъ „Быть по сему“.

Св. Синодъ, получивъ 18-го іюня отъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ высочайше утвержденные докладъ и штатъ новаго монастыря, указомъ отъ 18-го іюня предписывалъ архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу „учинить надлежащее распоряженіе, въ немедленномъ времени, дабы означенныя во оной Воскресенскій монастырь монахини, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, по принятіи отъ кого надлежитъ въ томъ монастырѣ, пристойныхъ для жительства имъ покоевъ, безъ всякой остановки въ томъ монастырѣ водворены быть могли“. Впрочемъ мы видѣли, что И. И. Бецкій, какъ главный распорядитель въ дѣлѣ открытія монастыря и введенія, еще ранѣе,

7-го мая, далъ надлежащія инструкціи въ этомъ случаѣ Конторѣ строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.

Между тѣмъ Московская Синодальная Контора, въ репортѣ своемъ св. синоду отъ 19-го іюня, полученномъ 28 іюня, доносила, что выѣхавшія изъ Москвы въ Смоленскъ, въ монахинями, чиновникъ Чернявскій, какъ онъ, такъ и послѣдніе „и по сіе время въ Москву не прибыли и никакого извѣстія оттуда (изъ Смоленска) о нихъ нѣтъ;—а понеже до 28 іюня осталось только 11-ть дней и дабы за промедленіемъ оныхъ Смоленскія и Московскія монахини въ пути до С.-Петербурга промедлать не могли, и ко оному числу заблаговременно прибыли,—того ради, сего 16-го іюня, то она положила: обрѣтающихся въ Московскихъ двухъ монастыряхъ монахинь отправить въ С.-Петербургъ, не ожидая изъ Смоленска особо“. Затѣмъ Контора извѣщала, что „монахини въ путь сего 14 іюня дѣйствительно выступили и для препровожденія ихъ въ пути и требованія подводъ,—посланъ при нихъ Конторы св. Синода солдатъ Семенъ Волковъ“. Что было причиною задержки въ пути монахинь изъ Смоленска,—изъ дѣлъ не видно, но—изъ доношенія преосвященнаго Смоленскаго св. Синоду отъ 12-го іюня, полученнаго 30 числа того же мѣсяца, оказывается, что онѣ были отправлены въ Петербургъ 12-го числа. Какъ тѣ, такъ и другія впрочемъ прибыли въ Петербургъ къ назначенному дню, не зная объ отпѣвѣ торжества.—Московскія монахини—25 іюня, а Смоленскія 27-го и вступили въ монастырское зданіе.

У.

Торжество освященія перваго монастырскаго храма и открытіе монастыря и заведенія. Назначеніе для послѣдняго четырехъ попечителей и первый пріемъ воспитаницъ. Первое посѣщеніе дѣвицъ Императрицевъ. Число воспитаницъ къ концу 1764 года. Открытіе въ февралѣ мѣсяцѣ 1765 года при Смольномъ Монастырѣ Мѣщанскаго Училища. Цѣль его учрежденія и пріемъ воспитаницъ. Раздѣленіе воспитаницъ обонхъ заведеній на четыре возраста и первоначальная программа ихъ обученія. Дополненія къ этой программѣ. Учебно-воспитательный персоналъ при заведеніяхъ и его обязанности по уставу. Правила воспитанія, изложенныя въ уставѣ для дѣвицъ вообще и въ особености для четвертаго возраста. Сенъ-Сирскій институтъ во Франціи и различіе въ правилахъ воспитанія дѣвицъ Смольнаго и Сен-Сира; живущіе въ монастырскомъ зданіи и надзоръ за сохраненіемъ въ монастырѣ спокойствія и порядка.

4-го августа 1764 года совершилось освященіе перваго монастырскаго храма, во имя св. великомученицы Евдотрины, а вмѣстѣ съ нимъ открытіе монастыря и основаннаго при немъ

заведенія для дѣвицъ. Современникъ и очевидецъ этого событія такъ описываетъ порядокъ торжества. Къ 9-ти часамъ утра, всѣ знатныя обоюго пола особы, генералитетъ, иностранныя послы и министры прибыли въ монастырь и собрались въ покоехъ начальницы заведенія княжны Анны Сергѣевны Долгорукой и затѣмъ слѣдовали въ церковь, освященіе которой совершалъ, вмѣстѣ съ членами св. Синода и прочимъ духовенствомъ, митрополитъ Новгородскій Дмитрій Сѣменовъ. Во время литургіи, назначенная императрицею настоятельницею новаго монастыря, Московская монахиня Елпидифора Кропотова, была произведена во игуменьи. Въ концѣ литургіи, Кирилло-бѣловерскій архимандритъ Симонъ говорилъ слово, „сходственное, къ случаю освященія храма и о пользѣ воспитанія юношества, съ неоспоримыми доказательствами истинныхъ похвалъ мудрой и человеколюбивой того Основательницы“. По окончаніи богослуженія, изъ орудій, поставленныхъ на берегу Невы, за монастырскою оградой, произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ и всѣ приглашенные отправились осматривать зданіе монастыря и приготовленное въ немъ помѣщеніе для дѣвицъ: „При этомъ, замѣчаетъ очевидецъ, „природные всѣ единогласно милосердному и человеколюбивому учрежденію монархини своей съ восторгомъ благодареніе изъявляли, а чужестранцы, какъ примѣчено, не льстивыми похвалами соответствовали“.

Во время обѣденнаго стола, за которымъ присутствовало 120 персонъ, было пито, при пушечной пальбѣ, адоровье Высокой Основательницы заведенія и затѣмъ послѣдовалъ разѣздъ. Толпы народа наполняли монастырскую площадь и множество любопытныхъ тѣснилось въ обширныхъ корридорахъ монастырскаго зданія¹⁾ и на лицахъ тѣхъ гуляющихъ людей, включаетъ очевидецъ свое описаніе, „знаки сердечнаго удовольствія, не лество изображенные представлялись“¹⁾.

¹⁾ Прибавленіе къ 70-му № С.-Петерб. Вѣдомостей 1764 г. Вторникъ, 31-го августа.

Освященная 4-го августа 1764 года первая монастырская церковь съ 1809-го принадлежитъ помѣщающемуся въ зданіи монастыря Вдовьему Дому. По своей внутренней отдѣлкѣ, храмъ этотъ представляетъ единственное, сохранившееся во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ, вполне законченное произведеніе графа Растрелли. Здѣсь все исполнено по чертежамъ и рисункамъ знаменитаго архитектора. Въ размѣщеніи образовъ иконостаса и въ ихъ содержаніи нельзя также не замѣтить личнаго усмотрѣнія и распоряженія Императрицы Екатерины. Всѣ иконы второго яруса, въ формѣ медальоновъ, по своему содержанію, включаютъ въ

Такъ какъ по уставу Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ совѣтѣ заведенія положено было присутствовать четыремъ попечителямъ, „изъ гг. сенаторовъ, или другихъ именитыхъ особъ, которые должность свою отправляютъ изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи, какъ для совѣта, и свидѣтельства дворянства благородныхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи“. то Императрицею были назначены попечителями: графъ Петръ Панинъ, И. И. Бецкій, князь Петръ Трубецкой и Сяргѣй Козьминъ. вмѣстѣ съ начальницею они и составляли совѣтъ заведенія. 7-го августа происходило ихъ первое засѣданіе, при чемъ былъ произведенъ и первый пріемъ воспитанницъ. Хотя число вакансій для пріема въ первый возрастъ, или классъ, было опредѣлено въ 50 дѣвицъ, но доставлено было только 11, которыя и были всѣ приняты. Это были

себѣ воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни основательницы монастыря императрицы Елисаветы Петровны и ея преемницы въ окончательномъ устройствѣ монастырскаго зданія, Императрицы Екатерины и близкихъ къ ней особъ царствующаго дома. Такъ надъ мѣстнымъ образомъ Спасителя помѣщенъ св. мученикъ Севастіанъ, день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, декабря 18-го 1700 года, а надъ иконою Божіей матери св. Клементъ, Папа Римскій и св. Петръ Александрійскій, въ день памяти которыхъ 25 ноября 1741 года совершилось ея восшествіе на престолъ. Надъ ними помѣщенъ св. евангелистъ Маркъ, въ день памяти котораго 25 апрѣля 1742 г. она была помазана на царство. На лѣвой сторонѣ иконостаса помѣщенъ образъ Рождества Предтечи, а въ немъ св. Захарія и Елисавета, какъ децъ ея тезоименитства—сентября 5-го, а надъ лѣвыми, сѣверными, вратами алтаря—Рождество Христово, день ея кончины, декабря 25 1761-го года. На правой сторонѣ иконостаса, надъ храмовымъ образомъ великомуч. Екатерины, изображены: священномуч. Иннуарій, — день рожденія императрицы Екатерины 21-го апрѣля 1729 г. и св. Екатерина, день ея тезоименитства ноября 24-го. На лѣвой сторонѣ иконостаса, надъ образомъ Рождества Предтечи: священномуч. Харлампій и св. Евстафій, первый день рожденія имп. Петра III, февраля 10-го 1728 г., а второй, наследника престола, вел. кн. Павла Петровича, сентября 20 1754 г. Надъ ними: св. ап. Петръ и Павелъ, какъ день ихъ тезоименитства іюня 29. До реставраціи храма, произведенной въ 1859 году, всѣ его лѣвныя украшенія были вызолочены по синему фону. Куполъ былъ закрытъ и въ немъ поставленъ механизмъ большихъ башенныхъ часовъ, съ колоколами, часовымъ и получасовымъ. Послѣ реставраціи 1859 г. по открытіи купола, механизмъ часовъ былъ снятъ и оставлены одни только циферблаты. Позолота лѣвной работы окрашена козеромъ. Упразднено царское мѣсто (устроенное у юго-западнаго угла храма), на которомъ часто присутствовали при богослуженіи императрицы: Екатерина и Марія Теодоровна и снѣтъ baldахивъ надъ престоломъ, стоявшій надъ гробомъ послѣдней при погребеніи ея въ Петропавловскомъ соборѣ.

почти исключительно дочери лицъ, жившихъ въ столицѣ и служившихъ въ гвардіи и при дворѣ. Провинціи и губерніи не прислали ни одной вандиатки.

Три мѣсяца спустя, 23 ноября того же года, Императрица въ первый разъ познакомилась съ воспитанницами, прибывъ въ монастырь утромъ въ 10 часовъ, въ сопровожденіи многихъ придворныхъ особъ. Встрѣченная начальницею, правительницею и попечителями, она слѣдовала въ комнаты первой, гдѣ собраны были воспитанницы вмѣстѣ съ своими учительницами. Такъ какъ это былъ канунъ дня тезоименитства императрицы, то дѣти здѣсь принесли ей „всеподданнѣйшее поздравленіе, яко матери своей и государынѣ“, а одна изъ воспитанницъ, графиня Марія фонъ-Вальштейнъ, 5 лѣтъ, „говорила Ея Величеству на французскомъ языкѣ краткую рѣчь, сколько лѣта и состояніе ея доводили“. Государыня, выразивъ свое благоволеніе учащимъ и учащимся, слѣдовала въ церковь, гдѣ была встрѣчена Гаврииломъ, архіепископомъ С.-Петербургскимъ и слушала божественную литургію и молебствіе. По окончаніи богослуженія, возвратясь снова въ покои начальницы, она принимала поздравленіе отъ монахинь, при чемъ игуменья и каначея были допущены ею къ рукъ. Здѣсь были представлены Императрицѣ образцы работъ и рукодѣлій воспитанницъ, „сколько по краткости сего воспитанія отъ нихъ ожидать было можно и которые однакожъ довольно приобрѣли высочайшую ея Имп. В-ства апробацію и удонольствіе“. Побывъ нѣсколько времени при обѣденномъ столѣ дѣвицъ, государыня, милостиво простившись со всѣмъ обществомъ, выѣхала изъ монастыря въ первомъ часу. Это было ея первое знакомство съ заведеніемъ, воспитанницъ котораго, впоследствии, она всѣхъ знала по фамиліямъ и именамъ¹⁾.

Доставка дѣтей въ заведеніе шла медленно и въ послѣдніе мѣсяцы 1764 года было принято только 7 дѣвицъ, такъ что къ концу этого года, всѣхъ воспитанницъ состояло 18, а общее число живущихъ въ монастырскомъ зданіи, считая служащихъ учащихся и монахинь—не превышало 200 человекъ. Но общество русское по-немногу уже начинало знакомиться съ устройствомъ и порядками перваго женскаго воспитательнаго заведенія и въ началѣ 1765 года было доставлено въ него 28 дѣвицъ; такъ что къ марту мѣсяцу, этого года, число воспитанницъ уже приближалось къ цифрѣ полнаго комплекта для пер-

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости 1764 года, № 115-я. Ноябрь 26 ч.

ваго приѣма, положенной въ уставѣ. Ихъ было уже 46 чело-
вѣкъ.

Но заботы Императрицы о женскомъ образованіи въ Рос-
сіи не были направлены исключительно на одно только при-
велегированное сословіе — дворянское. Ея желаніе было при-
влечь къ этому важному дѣлу всѣ общественныя сословія,
чтобы плодами воспитанія и образованія могли воспользоваться
дѣти всѣхъ званій и состояній. Неутомимый ея сподвижникъ
и сотрудникъ въ дѣлѣ воспитанія юношества, И. И. Бецкій,
будучи президентомъ Академіи Художествъ, не задолго до
открытія Восп. Общества благородн. дѣвиць, устроилъ при
Академіи мужское училище для дѣтей разныхъ званій, — извѣст-
ное подъ именемъ училища мѣщанскихъ мальчиковъ. Такое
же училище, по мысли императрицы и по плану Бецкаго,
предположено было открыть и при Обществѣ благородныхъ дѣ-
виць, для дѣвочекъ всѣхъ сословій, подъ именемъ Училища
мѣщанскихъ дѣвушекъ. „Для пользы общества“, писалъ онъ, въ
проектированномъ имъ уставѣ новаго женскаго заведенія, „не
меньше требуется, чтобы всякаго чина и женской полъ воспи-
танъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его зна-
ніяхъ и рукодѣліяхъ“. 31-го января 1765 года уставъ Мѣщан-
скаго училища былъ утвержденъ Императрицею. Училище, по-
мѣщаясь въ зданіи Смольнаго монастыря, должно было состоять
подъ управленіемъ начальницы и совѣта Воспитательнаго Об-
щества благородныхъ дѣвиць, которымъ въ уставѣ предписы-
валось „заимствуя изъ утвержденныхъ по сіе время и въ на-
родъ выданныхъ учрежденій, снабдить сіе училище равномѣр-
ными распорядками, дабы благоустроеннымъ воспитаніемъ
обоюго пола юношества произвестъ новое порожденіе, отъ ко-
торога бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ поряд-
комъ въ потомство переходить могли, въ сходствіе высочай-
шаго намѣренія Ея Импер. В-ства“.

Число воспитывающихся въ Мѣщанскомъ училищѣ опреде-
лено было въ 240 человекъ и правила приѣма въ него были
тѣ же, какъ и въ Воспит. Обществѣ бл. дѣвиць. Для перваго
приѣма открыто было 60 вакансій и 15 февраля, спустя двѣ
недѣли послѣ утвержденія устава, въ училище было доставлено
требуемое число воспитанницъ. Люди простые и знающіе нужду
сочувственнаго отнеслись къ благому учрежденію Императрицы
и охотиве вѣряли ему воспитаніе своихъ дѣтей, нежели со-
словія привелегированныя. Большинство принятыхъ дѣтей —
были дочери нижнихъ чиновъ полковъ гвардіи, затѣмъ слѣдо-

вали дѣти служителей придворнаго вѣдомства, разночинцевъ, ремесленниковъ, купеческаго сословія, наконецъ были 4-е и податнаго состоянія, съ вѣчнымъ, какъ сказано въ спискѣ воспитанницъ, отъ него увольненіемъ.—На содержаніе обонхъ заведеній ассигновано было 2.500.000 руб.

Воспитанницы, какъ Общества бл. дѣвицы, такъ и Мѣщанскаго училища по уставу раздѣлялись на четыре возраста: первый отъ 6—до 9 лѣтъ, второй отъ 9—до 12-ти, третій отъ 12—до 15 и четвертый отъ 15—до 18 лѣтъ. Такимъ образомъ каждая воспитанница, вступая въ заведеніе не старше 6-ти лѣтъ, обязана была пребыть въ немъ не менѣе 12-ти. Каждому возрасту присвоены были и платья особаго цвѣта: для перваго коричневаго, или кофейнаго, для втораго — голубого, для третьяго—сѣраго и для четвертаго—бѣлаго цвѣта. Предметами обученія въ Воспит. Обществѣ бл. дѣвицы были: въ первомъ возрастѣ — законъ Божій, языки—русскій и иностранные ¹⁾, арифметика, рисованіе, музыка, танцованіе и рукодѣліе. Во второмъ возрастѣ къ тѣмъ же предметамъ прибавлялись еще исторія и географія; кромѣ того воспитанницъ этого возраста начинали знакомить съ нѣкоторою частію экономіи или домашняго хозяйства. Въ третьемъ возрастѣ продолжалось изученіе тѣхъ же предметовъ, но введено было — преподаваніе наукъ словесныхъ, подъ которымъ разумѣлось чтеніе книгъ историческаго и правоучительнаго содержанія. Воспитанницъ кромѣ того познакомили съ нѣкоторыми правилами архитектуры и геральдики, а въ искусствѣ обучали еще скульптурѣ и мастерству токарному. Съ домашнимъ хозяйствомъ воспитанницы этого возраста познакомились уже на практикѣ. Курсъ четвертаго, послѣдняго, возраста состоялъ въ общемъ повтореніи всего пройденнаго, а домашняя экономія изучалась здѣсь уже каждою воспитанницею во всѣхъ подробностяхъ. Кромѣ очереднаго присутствованія на кухнѣ, воспитанницы должны были сами выбирать для стола провизію и припасы, — вести имъ счета и представлять ихъ начальницѣ, производить по нимъ поставщикамъ уплату и наблюдать въ хозяйствѣ чистоту и опрятность. Можно съ достовѣрностію предположить, что такая постановка дѣла въ дѣйствительности знакомила дѣвицъ съ правилами домашней экономіи и приучала ихъ къ хозяйству. Воспитанницы этого возраста назначались также по оче-

¹⁾ Изъ иностранныхъ языковъ положено было обучать французскому, нѣмецкому и итальянскому. Но въ такомъ раннемъ возрастѣ вѣроятно обучали которому-нибудь одному.

реди для преподаванія въ младшій классъ. Цѣль этого постановленія была та, чтобы съ одной стороны облегчить труды учительницъ,—а съ другой, имѣлось въ виду, что воспитанницы, приобрѣвъ еще—въ заведеніи нѣкоторую практику — въ преподаваніи, „навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить ни случилось“.

Предметы преподаванія въ Мѣщанскомъ училищѣ были тѣ же. Введеніе въ программу образованія мѣщанскихъ дѣвушекъ иностранныхъ языковъ, музыки, пѣнія и танцованія могло казаться для того времени страннымъ и даже не соответствующимъ самой цѣли учрежденія училища, „дабы всякаго чина и женской полъ былъ воспитанъ въ приличныхъ состоянію его званіяхъ и руководствіяхъ“. Но любовь Государыни, въ дѣлѣ воспитанія, обнимала собою безъ сословнаго различія всѣхъ ея подданныхъ. Ея желаніе было въ этомъ отношеніи быть щедрымъ ко всѣмъ безъ изъятія. Но это введеніе въ программу Мѣщанскаго училища иностранныхъ языковъ и изящныхъ искусствъ имѣло еще цѣлю приготовить способныхъ воспитаницъ училища къ занятію должностей учительницъ въ обонхъ заведеніяхъ. Для дѣвицъ Воспитательнаго Общества, какъ дочерей дворянъ, считалось неудобнымъ и даже унижительною, во мнѣніи тогдашняго общества, принимать на себя скромное служебное званіе наставницы и воспитательницы. Но это званіе и служебное положеніе, которое могли занять, по окончаніи курса, при заведеніяхъ, воспитанницы Мѣщанскаго училища, весьма могло льстить самолюбію какъ ихъ самихъ, такъ и въ особенности ихъ родителей и родственниковъ. Наконецъ, такая программа, доставляя дѣтямъ, разныхъ званій и состояній, такія познанія и свѣдѣнія, которыя считались въ то время роскошью и были доступны только для высшихъ классовъ общества, могла служить важнымъ средствомъ для привлеченія дѣтей въ заведеніе. Впрочемъ уставомъ не была упущена изъ виду и главная цѣль его учрежденія. Такъ въ немъ обращено было особенное вниманіе на усовершенствованіе воспитаницъ въ различнаго рода руководствіяхъ,—въ шитьѣ, вязаньѣ и вышиваньѣ. Въ немъ предписывается также, чтобы онѣ дѣйствительно выполняли всѣ доступныя ихъ силамъ работы по домашнему хозяйству,—умѣли бы сами стряпать, чистить, мыть и проч. Зная, наконецъ, недостаточное семейное положеніе родителей воспитаницъ, состави-

тель устава озаботился и о нѣкоторомъ матеріальномъ обезпеченіи дѣвицъ по окончаніи ими курса. При каждомъ приѣмѣ въ училище, на каждую воспитанницу ассигновалась особая сумма въ 50 руб., которая и полагалась въ банкъ для приращенія, и составившійся капиталъ, по окончаніи курса, дѣлился вмѣстѣ съ основною суммою поровну между дѣвицами. Къ этому же капиталу присоединялась и сумма, вырученная отъ продажи рукодѣлій, сработанныхъ ими въ продолженіе пребыванія своего въ заведеніи.

Окончившія курсъ воспитанницы Мѣщанскаго училища или выдавались замужъ, „за достойныхъ по ихъ состоянію жениховъ“ или по желанію и способности могли вступать на службу наставницами при Восп. Обществѣ и училищѣ, „съ договоромъ и съ заплатаю“, какъ сказано въ уставѣ. Тѣ же, которыя пожелали бы еще остаться въ училищѣ для пріисканія занятій, могли оставаться въ немъ три года, но не въ числѣ классныхъ и пользоваться отъ заведенія помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, „а для отвращенія праздности“, сказано было въ уставѣ, „во всемъ прочемъ должны довольствоваться за плату изъ прибыли отъ продажи собственныхъ трудовъ, которой инако пріобрѣсть не могутъ, какъ трудолюбіемъ, искусствомъ и вкорененною въ нихъ во время юныхъ ихъ лѣтъ — добродѣтелью“. По окончаніи этихъ трехъ лѣтъ, онѣ выпускались изъ училища съ аттестатомъ и денежнымъ вознагражденіемъ.

Въ обонхъ заведеніяхъ преподаваніе было поручено учительницамъ и учителямъ. Въ первыхъ двухъ возрастахъ, раздѣленныхъ на четыре отдѣленія, полагалось въ каждомъ отдѣленіи по одной учительницѣ, а въ остальныхъ двухъ, раздѣленныхъ на два, назначено было и по двѣ учительницы для каждаго возраста. Считая 12-ть монахинь, объявляныхъ по уставу также обучать грамотѣ, число преподавательницъ простиралось до 24-хъ. Учителей, или какъ ихъ называли тогда—мастеровъ, было семь, не считая священника, двухъ учителей рисованія четырехъ музыки, и двухъ танцмейстеровъ. Такимъ образомъ въ учебномъ персоналѣ преобладалъ элементъ женскій. Возлагая на учительницъ, въ особенности въ двухъ младшихъ возрастахъ, все дѣло преподаванія, уставъ имѣлъ въ виду ту цѣль, что онѣ, какъ женщины, отличаясь большимъ терпѣніемъ, нежели мужчины,—въ дѣлѣ начальнаго обученія юныхъ питомицъ, принесутъ и болѣе пользы. Но для осуществленія этой мысли, въ тогдашнее время, когда такъ мало было образова-

ныхъ русскихъ женщинъ, необходимо было обратиться къ помощи иностранокъ, за немногими исключеніями, видящихъ въ своей учебно-воспитательной профессіи только средство къ жизни и не всегда сознающихъ важность возлагаемыхъ на нихъ обязанностей первыхъ воспитательницъ въѣреннаго ихъ попеченію юношества.—Впрочемъ это участіе иностранокъ въ преподаваніи было полезно въ томъ отношеніи, что по уставу особенное вниманіе было обращено на изученіе воспитанницами иностранныхъ языковъ, на которыхъ онѣ должны были — „исправно читать, писать и говорить“. Въ связи съ этимъ изученіемъ иностранныхъ языковъ на практикѣ,—уставъ предписывалъ преподавательницамъ „приваживать воспитанницъ къ правильному чтанію и вперять въ нихъ охоту къ чтенію книгъ, какъ для собственнаго ихъ увеселенія, такъ и для происходящей отъ того пользы“. Для этого рекомендовано было завести избранную бібліотеку, чтобы развить въ воспитанницахъ вкусъ къ хорошему чтенію, какъ къ одному изъ главныхъ средствъ собственнаго образованія.

Преподаваніе другихъ предметовъ не отличалось обширнымъ объемомъ. Обученіе ариметикѣ ограничивалось только первыми четырьмя правилами, какъ наиболѣе необходимыми при веденіи домашняго хозяйства. Изученіе исторіи и географіи состояло также въ сообщеніи воспитанницамъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Относительно же введенія въ программу архитектуры и геральдики, нужно замѣтить, что преподаваніе первой ограничивалось ознакомленіемъ воспитанницъ съ главнѣйшими ея правилами и стилями, а также составленіемъ ими несложныхъ чертежей, — что могло служить для нихъ хорошимъ пособіемъ при обученіи рисованію; а знаніе послѣдней, по тогдашнимъ понятіямъ, считалось необходимымъ для всякаго благовоспитаннаго дворянина, — чтобы умѣть различать и толковать гербы важнѣйшихъ въ государствѣ фамилій, и введеніе ея въ кругъ преподаваемыхъ въ Воспит. Обществѣ предметовъ, очевидно, было сдѣлано въ угожденіе духу того времени, для котораго дороги были всякіе знаки внѣшнихъ отличій.

Впрочемъ, въ скоромъ времени, при переходѣ воспитанницъ того же перваго приѣма въ третій и четвертый возрасты, эта первоначальная программа получила нѣкоторыя дополненія.

Такъ изъ протоколовъ испытаній, произведенныхъ воспитанницамъ этихъ возрастовъ въ 1775 году, мы видимъ, что въ кругѣ наукъ словесныхъ, кромѣ риторики и поэзіи, введено

было преподаваніе логики. При изученіи исторіи обращено особенное вниманіе на новѣйшія ея отдѣлы и на хронологію. Воспитанницъ знакомили съ мифологіею. Преподаваніе математики расширено прибавленіемъ алгебры и геометріи. Наконецъ введено преподаваніе естественной исторіи и экспериментальной физики. — Такое расширеніе круга учебныхъ предметовъ, въ связи съ усиленнымъ упражненіемъ воспитанницъ въ изученіи иностранныхъ языковъ, а также искусствъ и рукодѣлій,—заставляетъ признать получаемое ими образованіе вполне достаточнымъ для тогдашняго времени. Императрица заботилась не о томъ, чтобы воспитанницы блестяли своими познаніями въ обществѣ, хотя къ тому онѣ имѣли возможность, но ея желаніе было, чтобы развитіе ихъ шло правильно и сообразно съ природою и главное вниманіе ея было обращено на ихъ нравственное воспитаніе. „Искусство доказало, читаемъ мы въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи юношества въ Россіи, что просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ и твердо оныя въ сердцѣ его не вкорены. Посему ясно, что корень всему добру и злу — воспитаніе“. Оба устава, какъ Воспит. Общества, такъ и мѣщанскаго училища и проникнуты глубокимъ убѣжденіемъ въ важности и необходимости нравственнаго воспитанія, въ его многостороннихъ и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, и тѣ правила и совѣты, которые начертаны въ нихъ для руководства, въ столь трудномъ дѣлѣ, воспитательному персоналу заведеній, служатъ лучшимъ выраженіемъ педагогическихъ взглядовъ передовыхъ и мыслящихъ людей той эпохи.

Помѣщанъ воспитанницъ въ закрытомъ заведеніи, уставъ, съ самаго ихъ вступленія въ оное, уже освобождалъ родителей и родственниковъ отъ всякаго о нихъ попеченія, не разрѣшалъ дѣвицамъ отпусковъ къ нимъ въ дома и самое свиданіе съ ними въ заведеніи дозволялъ только въ назначенные для того дни и часы, въ присутствіи начальницы и воспитательницъ. Послѣднія обязаны были безотлучно находиться при дѣвицахъ и въ особенности наблюдать, чтобы онѣ не оставались однѣ съ служанками и не вступали съ ними въ разговоры. Въ педагогическомъ отношеніи послѣднее правило было весьма важно и показывало, съ какою заботливостію старались огородить воспитанницъ отъ всякаго дурнаго вліянія. „Неоспоримо, скавало было въ генеральномъ учрежденіи, что частое—съ людьми

безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь заведенія—весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей“. Служить добрымъ примѣромъ для воспитанницъ и должны были всѣ служащіе при заведеніи, начиная съ его начальницы.—Утверждаемая въ своей должности всегда высочайшею властью, она пользовалась обширнымъ полномочіемъ въ своихъ распоряженіяхъ по заведенію и дому. — Уставъ предписывалъ ей, прежде всего, „быть любимой и почитаемой всѣми“, во всѣхъ распоряженіяхъ по заведенію и дому поступать съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостію, „въ то же время снисходя чисто сердечно въ состояніе подчиненныхъ ей людей“, „Строгость и твердость, читаемъ въ уставѣ, суть иногда великія добродѣтели,—но бываютъ временемъ и такіе случаи, въ коихъ требуется особенное искусство, чтобы оныя согласить съ порядкомъ и тишиною во всемъ училищѣ“. Здѣсь указывается на необходимость для нея обладать нѣвѣстнымъ педагогическимъ тактомъ, безъ котораго немислимо бываетъ правильное и стройное веденіе всего учебно-воспитательнаго дѣла. Сохраняя всегда спокойствіе духа „съ непринужденною веселостію“, она должна была сообщать такое настроеніе и всему подчиненному ей обществу, „а особливо молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самой видъ всего того, что скукою, грустію или задумчивостію назваться можетъ“. Наконецъ, заботясь о благосостояніи вѣреннаго ей заведенія,—она обязана была слѣдить за правильнымъ расходо-ваніемъ суммъ по его содержанію, „чтобы благоразумною эконо-мію сберегаемые отъ опредѣленной годовой суммы остатки, могли въ свое время быть употребляемы въ приданое дѣвицамъ“.

Помощница начальницы, носившая въ уставѣ званіе правительницы, — раздѣляла съ начальницею труды по управленію заведеніемъ и въ случаѣ ея отсутствія исправляла ея должность. Правительницѣ, какъ поставленной въ болѣе близкія и частыя отношенія къ учащимъ и учащимся, предписывалось въ особенности остерегаться, „чтобы отнюдь ни при какомъ случаѣ не сдѣлать ничего—суровость, досаду или гнѣвъ изъявляющаго, и въ присутствіи дѣвицъ не сказать чего-либо непристойнаго, или огорчительнаго“. — Подчиненныя ей надзирательницы, которыхъ полагалось по одной для каждаго позроста, исполняли обязанности нынѣшнихъ классныхъ дамъ и обязаны были не отлучаться отъ дѣвицъ, „ни во время, ученія, ни при отдохновеніи“. Дѣлаемая ими внушенія и замѣ-

чанія не должны были быть суровы и рѣзки, — а тѣмъ болѣе „пристрастны“. „Если бѣ, говоритъ уставъ, кому случилось, въ какомъ-нибудь дѣлѣ, придти въ раздраженіе и не одумавшись сердце свое изъявить надъ молодою дѣвицею (что весьма часто бываетъ у безразсудныхъ учительницъ и учителей), то такой поступокъ совсѣмъ неблагоразуменъ и крайне отъ сего остерегаться должно“. При налагаемыхъ на провинныхъ взыска- ніяхъ, и надзирательницы всегда должны были обращать вниманіе на „возрастъ и разумъ воспитанницы“ и помнить, что „напрасно, или не по важности вины употребляемая строгость обыкновенно бываетъ поводомъ къ преступленію, совершенно опровергаетъ порядокъ добраго воспитанія и приводитъ въ уныніе питомца, коего ожесточившееся тѣмъ сердце отвертится отъ своего воспитателя“. Имѣя въ виду предписаніе устава, чтобы воспитанницы всегда находились въ спокойномъ и веселомъ расположеніи духа, надзирательницы обязаны были — „собственныхъ, или домашнихъ своихъ огорченій воспитываемымъ дѣтямъ отнюдь никогда не показывать, — но всячески оныя отъ нихъ скрывать должно“.

Относительно учительницъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли и обязанности ближайшихъ къ дѣтямъ воспитательницъ, уставъ предписывалъ, чтобы воспитанницы видѣли въ нихъ не строгихъ наставницъ, готовыхъ читать имъ скучныя наставленія въ малѣйшее нарушеніе порядка, но особъ, любящихъ своихъ питомцевъ и въ свою очередь пользующихся у нихъ любовію и уваженіемъ. Онѣ должны были всячески стараться, чтобы дѣвицы „не привыкали излишне важничать, — а потомъ и унылой видъ являть“, но были бы скромны, вѣжливы, ласковы и учтивы, — но, прибавляетъ уставъ, „не принужденно“. Последнее показываетъ, что умѣнье держать себя и обладать хорошими манерами приобрѣтается не чрезъ обученіе онымъ, но является само собою, какъ слѣдствіе добраго воспитанія и примѣра. — Въ дѣлѣ класснаго обученія, онѣ не должны были „отягощать незрѣлой еще разумъ излишними понятіями“, ибо, продолжаетъ уставъ, „не всѣ могутъ быть равнаго сложенія, найдутся и скоропонятныя и медлительныя въ понятіи“. Съ послѣдними уставъ предписывалъ „не поступать суровымъ и непріятнымъ образомъ“. „Стараніемъ, искусствомъ и трудами, сказано было, „не чувствительно достигнуть можно до того, отъ чего прямо происходить, что та, или другая въ наукѣ худо успѣваетъ“. Правила прекрасныя, къ сожалѣнію очень часто упускаемыя изъ виду современною педагогикою.

Учительницы наконецъ въ обращеніи съ воспитанницами должны были держать себя доступно и просто, чтобы послѣднія относились къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и не тяготились ихъ постояннымъ присутствіемъ. Для этого уставъ предписывалъ, „какъ скоро дѣвцы иностранные языки разумѣтъ и оными говорить начнутъ, тогда учительницы, по окончаніи классовъ, употребляютъ по вѣскольку времени съ ними на разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли съ пристойною вольностію“. Онѣ должны были также „поощрять, чтобы дѣвцы на иностранныхъ языкахъ между собою сколько можно чаще разговаривали“. Этимъ достигался успѣшный результатъ при изученіи ими иностранныхъ языковъ.

„Если же, сказано было, въ какихъ наукахъ учительницъ не сыщется,—то опредѣляются учителя, или мастера“. Это въ особенности относилось къ преподаванію исторіи, географіи, архитектуры и геральдики,—а также и къ искусствамъ.—Учителямъ предписывалось держать себя благопристойно и „поступать съ дѣвцами со всякою учтивостію, должной ихъ полу и породѣ“. Когда имъ необходимо было прибѣгать къ примѣрамъ для поясненія уроковъ, то они должны были дѣлать „это въ пристойныхъ, а отнюдь не въ грубыхъ, или подлыхъ изображеніяхъ“.

Какихъ-либо особыхъ мѣръ взысканія за нарушеніе дисциплины мы не встрѣчаемъ въ уставѣ. Въ отдѣлѣ „о воспитаніи“ мы находимъ одно только главное средство къ исправленію провинившейся воспитанницы,— это публичный выговоръ, или пристыженіе, предъ цѣлымъ—классомъ, или въ присутствіи всего Воспитательнаго Общества,—„дабы стыдъ одной служилъ навсегда къ воздержанію другихъ отъ подобныхъ поступковъ“. Средство весьма сильное само по себѣ и даже опасное иногда по своимъ послѣдствіямъ. Но оно вѣроятно употреблялось только въ крайнихъ случаяхъ.—Въ уставѣ оно показано за нарушеніе благочинія во время богослуженія.

Особеннымъ вниманіемъ всего Воспитательнаго общества должны были пользоваться дѣвцы старшаго возраста, „поелику въ ономъ, по достиженіи пятнадцати лѣтъ, уже начинаютъ онѣ собирать плоды девятилѣтнихъ трудовъ своихъ, въ первыхъ трехъ возрастахъ понесенныхъ“.—Онѣ должны были служить примѣромъ для воспитанницъ прочихъ возрастовъ, обязанныхъ относиться къ нимъ почтительно, какъ къ помощницамъ своимъ преподавательницъ. Само начальство заведенія должно было оказывать имъ предпочтеніе предъ другими.—„Чтобы придать

дѣвицамъ симъ, читаемъ въ уставѣ,—надлежащую и приличную смѣлость въ поведеніи,—необходимо установить должно въ семь обществѣ, по праздничнымъ, или по воскреснымъ днямъ—собранія,—для прѣзжающихъ изъ города дамъ и кавалеровъ и другихъ почтительныхъ людей, съ дозволенія г-жи начальницы". Эти собранія назначались или для концертовъ или для спектаклей, или же для обыкновенныхъ вечеровъ съ музыкою и танцами. Здѣсь воспитанницы, предъ избранною публикою могли показывать свое искусство въ музыкѣ вокальной и инструментальной, а также въ исполненіи сценъ и цѣлыхъ пьесъ драматическаго или комическаго характера, преимущественно иностранныхъ авторовъ, для чего при введеніи предполагалось устройство небольшого театра.—На этихъ собраніяхъ, воспитанницы старшаго возраста должны были ховяничать, принимать и занимать гостей, „дабы черезъ то навикнуть могли къ непринужденному и учтивому поведенію, не испытывали бы застѣнчивости и въ случаѣ о всемъ могли пристойно и благородно—изъясняться". Императрица, помѣщая воспитанницъ въ закрытомъ заведеніи, вдали отъ города и притомъ въ стѣнахъ монастыря, устройствомъ увеселительныхъ собраній, желала, насколько возможно было, разнообразіе и привлекательнѣе обстановить жизнь своихъ юныхъ питомицъ.—Она не желала, чтобы онѣ были совершенно замкнуты отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ обществомъ; напротивъ, прилагала стараніе о томъ, чтобы воспитанницы еще въ заведеніи свыклись съ правилами свѣтскихъ приличій,—пріобрѣтали-бы изящныя манеры, не терялись бы въ присутствіи постороннихъ и не были бы застѣнчивы и дикы.

Въ этомъ отношеніи, основанное при Смольномъ монастырѣ, первое женское учебное заведеніе въ Россіи представляло совершенный контрастъ въ сравненіи съ тогдашнимъ положеніемъ своего прототипа, Сенъ-Сирскаго Института, основаннаго во Франціи въ концѣ XVII-го столѣтія и считавшаго себя, въ описываемое нами время, уже около 80-ти лѣтъ существованія. Уставъ этой *almae matris* всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, начертанный опытною рукою его начальницы, г-жи де-Ментеновъ, послужилъ образцомъ и для устава Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Правила обояхъ уставовъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, представляютъ поразительное сходство, даже до мельчайшихъ подробностей.—Оба заведенія имѣли одну и ту же цѣль:—дать обществу образованныхъ женщинъ, добровоспитанныхъ женою и матерей.—Но институтъ Сенъ-Сирскій,

только въ первые годы своего существованія, удовлетворялъ этому назначенію,—а затѣмъ принялъ чисто монашеское устройство. Основанный въ 1686 году Людовикомъ XIV, близъ Версаля,—для воспитанія дочерей французскаго дворянства,—онъ былъ любимымъ учрежденіемъ короля, часто посѣщавшаго заведеніе для присутствованія на спектакляхъ воспитанницъ,—разыгрывавшихъ предъ нимъ трагедіи Расина.—Эта близость къ институту Версаля, частыя посѣщенія короля и его свиты, похвалы и рукоплесканія, которыя они щедро расточали воспитанницамъ на институтскихъ спектакляхъ, наконецъ, та придворная роскошь и обстановка,—которыя любилъ окружать основанное имъ заведеніе король,—все это, говоритъ историкъ Сенъ-Сира ¹⁾, наполняло сердца шныхъ дѣвицъ тщеславіемъ и гордостію, развивало въ нихъ страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ.—Институтъ впалъ въ крайность—онъ вообразилъ, что принадлежитъ ко двору.—„Стеченіе высшаго общества, говорятъ въ своихъ мемуарахъ Сенъ-Сирскія дамы, обращеніе съ самыми остроумными людьми того времени, ихъ похвалы и рукоплесканія—сдѣлали нашихъ дѣвицъ гордыми, самонадѣянными и непослушными. „Сенъ-Сиръ теперь въ модѣ,—говорятъ онѣ и воображаютъ, что на нихъ смотрять весь свѣтъ“. Виновна въ этомъ была отчасти сама г-жа де-Ментеновъ, поручившая воспитаніе дѣвицъ монахинямъ молодымъ, дурно понимавшимъ цѣль учрежденія заведенія и сама обращающая болѣе вниманія на развитіе въ дѣвицахъ свѣтскаго остроумія и утонченнаго свѣтскаго обращенія. Замѣтивъ свою ошибку, она рѣшилась выгладить ее немедленной рѣзкой реформой въ воспитаніи своихъ дѣвицъ ²⁾. Прежде всего были прекращены публичные спектакли въ институтѣ. Дѣвицы играли изрѣдка, исключительно для короля и его семейства. Но со смертію короля и это прекратилось. Институтъ замкнулся отъ всякихъ сношеній съ обществомъ и по смерти главной своей руководи-

¹⁾ Laval-lée. Histoire de la maison Royale de St. Cyr. Ch. XVI. 252. —

²⁾ Сущность желаемой реформы г-жа де-Ментеновъ выразила въ слѣд. словахъ монахинямъ-воспитательницамъ: „Учите нашихъ дѣвицъ быть воздержанными на чтеніе и всегда предпочитать ему рукодѣліе и занятія по хозяйству.—Имъ несравненно нужнѣе умѣнье вести себя въ свѣтѣ по-христіански и—жудро управлять семьей, чѣмъ выказывать себя учеными героинями.—Женщины всегда знаютъ только въ половину, и обыкновенно самое ничтожное знаніе дѣлаетъ ихъ гордыми, тщеславными, болтунями и—отвращаетъ ихъ отъ всего положительнаго.“ Laval-lée. Histoire—Ch. XVI. 52.

тельницы, г-жи де-Ментенонъ, скончавшейся въ 1719 году, четыре года спустя по кончинѣ короля, остановился неподвижно и какъ-бы замеръ на уставѣ и правилахъ, начертанныхъ при его основаніи.

Въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія въ немъ не было сдѣлао никакихъ перемѣнъ, сообразныхъ съ духомъ времени. Институтъ впасть въ другую крайность. Въ описываемое нами время онъ принялъ совершенно монашеское устройство. Въ немъ не было другихъ воспитательницъ кромѣ монахинь.— Воспитанницы, по окончаніи курса, почти всѣ принимали монашество или развѣзжались по разнымъ монастырямъ, и оставались въ Сенъ-Сирѣ въ званіи учительницъ или развѣзжались. Только немногія возвращались въ свои семьи или выходили замужъ.

Благодаря непосредственному наблюденію и попеченію императрицы, Смольный институтъ избѣжалъ всѣхъ этихъ крайностей.—Хотя онъ былъ основанъ въ стѣнахъ монашеской обители и сами воспитанницы его извѣстны были въ обществѣ, по мѣсту своего жительства, болѣе подъ именемъ монастырокъ,—онъ въ то же время никогда не былъ монастыремъ.—Монашескій персоналъ не имѣлъ въ немъ того преобладающаго вліянія, какое мы замѣчаемъ въ Сенъ-Сирѣ.—Весьма немногочисленный, онъ занималъ при институтѣ положеніе служебное и подчиненное.—Обязанности монахинь состояли не столько въ обученіи малолѣтнихъ воспитанницъ грамотѣ, сколько въ выполненіи возлагаемыхъ на нихъ начальствомъ послушаній: участвовать въ клиросномъ чтеніи и пѣніи при богослуженіи и въ хожденіи за больными дѣвцами въ лазаретѣ.—Тѣмъ и ограничивалась при институтѣ вся ихъ дѣятельность. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру, отъ 23-го марта 1772 года, Императрица, дѣлая намекъ на извѣстный ей образъ жизни Сенъ-Сирскихъ затворницъ—прямо высказываетъ ему свой взглядъ на воспитаніе своихъ дѣвицъ. „Мы далеки, пишетъ она, отъ мысли сдѣлать изъ нихъ монахинь. Напротивъ, мы воспитываемъ ихъ такъ, чтобы онѣ могли украсить собою семейства, въ которыя вступятъ.—Мы не хотимъ ихъ сдѣлать ни жеманными, ни кокетками, во любезными, способными воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей и имѣть попеченіе о своемъ домѣ“. Въ другомъ письмѣ отъ 25 іюня того же года, извѣщая Вольтеру о пьесахъ, обѣщанныхъ имъ для воспитанницъ Смольнаго, императрица пишетъ ему:—„мой монастырь отнюдь

во варварское учрежденіе, — онъ поручаетъ себя вашимъ попеченіямъ¹⁾.

Порядокъ жизни воспитанницъ, какъ въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, такъ и въ Мѣщанскомъ училищѣ, по уставу, былъ одинъ и тотъ же. — Онѣ вставали въ 6-ть часовъ утра и время до 8-ми часовъ употребляли на туалетъ, молитву и чтеніе евангелія. Въ 8-ми часовъ воспитанницы завтракали, а въ 9-ть начинались классы и продолжались до полудня. Въ 12-ть часовъ обѣдали. Послѣ обѣда до 2-хъ часовъ назначенъ былъ отдыхъ, а въ 2 часа опять начинались классы и продолжались до 5-ти часовъ. Въ 5-ть часовъ назначены были, въ известные дни недѣли, классы музыки, пѣнія и танцованія, или же время, отъ 5-ти до 8-ми часовъ, употреблялось на отдыхъ и приготовленіе къ слѣдующему дню уроковъ. Уставъ предписывалъ, чтобы дѣвицы, въ хорошую погоду, возможно чаще пользовались чистымъ воздухомъ и прогулками въ саду. Для больныхъ указано было выбрать такое помѣщеніе, которое бы „наиболѣе способствовало облегченію ихъ болѣзни, — близъ сада, или имѣющее положеніе къ какому-либо увеселительному виду“. Для помѣщенія лаварета и былъ выбранъ восточный корпусъ монастырскаго зданія, обращенный къ Невѣ и саду. — Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ занимало южный корпусъ монастыря, а мѣщанское училище — сѣверный, — въ срединѣ котораго находилось обширное зало для публичныхъ собраній. — Въ сѣверо-восточномъ углу монастырскаго зданія находилась общая для монахинь и дѣвицъ церковь Св. Великомученицы Евкатерины, — а въ сѣверо-западномъ, въ верхнемъ этажѣ — церковь Св. Захаріи и Елизаветы, освященная одновременно съ устройствомъ мѣщанскаго училища.

Служащіе при монастырѣ и заведенія мужескаго пола и ихъ семейства, общее число коихъ было около 100 человекъ, равно какъ и причтъ монастырскій — помѣщались въ монастырѣ — на такъ называемомъ запасномъ Смольномъ дворѣ. Дворъ этотъ существовалъ еще до открытія монастыря и устроенъ былъ для храненія припасовъ, назначенныхъ для продовольствія Высочайшаго двора и его служителей. Состоя въ вѣдомствѣ собственной Ея Имп. В-ства потчинной канцеляріи, онъ находился подъ управленіемъ мундшенка. Здѣсь же, кромѣ служащихъ,

¹⁾ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ Министр. Иностр. Дѣлъ. Собр. и изд. акад. Я. Гротомъ Томъ III. 1762—1774.

помѣщались лица разныхъ придворныхъ званій, находившіеся въ отставкѣ.

Для наблюденія за порядкомъ внутри и виѣ монастырскаго зданія установленъ былъ бдительный надзоръ. Въ инструкціи швейцарамъ предписывалось: ворота монастыря всегда держать замкнутыми, чтобы никто не могъ ни войти, ни выдти безъ ихъ вѣдома. „Во время публичныхъ съѣздовъ, сказано было, ниже оберъ-офицерскаго чина, или званія, никого отнюдь не пропускать“. Вечеромъ съ 1-го марта по 1-е сентября въ 10-ть часовъ,—а въ прочіе мѣсяцы въ 8^{1/2}—они обязаны были звонить въ колоколъ, „дабы непринужденно къ монастырю обоюга пола люди выходили,—затѣмъ спустя полчаса болѣе никого не впускать и не выпускать, ни подъ какимъ видомъ, какого бѣ званія ни были“, исключая священника и доктора, „да и то, сказано было, по повелѣнію г-жи начальницы“. Въ концѣ инструкціи швейцарамъ ставилось на видъ, что „такъ какъ они носятъ двора Ея Имп. В-ства ливрею, которая уже показываетъ ихъ въ достоинствѣ офицера“,—то они должны вести себя такъ,—чтобы каждый оказывалъ имъ „учтивость, пріятность, благопрістойность, правду и совѣстные поступки“. „Въ противномъ же случаѣ, сказано было, ежели какое насиліе, безчынство или грубость кто окажетъ,—а по учиненному довольному въ томъ списхожденію и терпѣнію миновать будетъ не можно,—оного, какого бы званія ни былъ—велѣтъ караульнымъ задерживать, дабы какъ монаршей ливреѣ, такъ должности и приратникову званію почтеніе упущено не было“. О всѣхъ происходившихъ иногда „необыкновенныхъ приключеніяхъ“—швейцары обязаны были вести журналъ и подавать его для просмотра въ засѣданіе Совѣта ¹⁾.

Сообщилъ Е. С. Шумигорскій.

¹⁾ Для архива Общества бл. дѣвицы.—Инструкція швейцарамъ составлена Сергѣемъ Козьминимъ,—членомъ Совѣта.